

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

СИМПОЗИУМ
ПО ПРОБЛЕМАМ КАРПАТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
/24-26 апреля 1973 г./
Тезисы
докладов и сообщений

Издательство "Наука"

Москва

1973

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт славяноведения и балканистики

СИМПОЗИУМ

ПО ПРОБЛЕМАМ КАРПАТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

/24–26 апреля 1973 г./

Тезисы

докладов и сообщений

Издательство "Наука"

Москва

1973

Редакционная коллегия:

С.Б. БЕРНШТЕЙН, Г.П. КЛЕПИКОВА, Т.В. ПОПОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы широко развернулась работа по всестороннему, комплексному изучению проблем истории, культуры и языков народов, населяющих территорию Карпат. Это вызвало необходимость создания Международной комиссии по изучению карпатской культуры. В работу ее включились ученые многих стран. В 1972 г. в Ужгороде состоялась научная конференция "Культура и быт населения Украинских Карпат", на которой, наряду с другими вопросами, широко обсуждались и общие проблемы карпатского языкознания. В результате в рамках Национальной комиссии по изучению народной культуры Карпат была создана лингвистическая подкомиссия.

В Институте славяноведения и балканистики АН СССР разработка проблем карпатского языкознания началась после Первого Всесоюзного координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения (Москва, 1961 г.). Был подготовлен и в 1967 году опубликован 1-й том "Карпатского диалектологического атласа", в сборе материала для которого принимали участие также лингвисты гг. Львов, Черновцы, Кишинев и др. В настоящее время в Институте ведутся исследования по некоторым специальным вопросам карпатского языкознания. Все более отчетливо вырисовывается предмет этой отрасли лингвистики. В языках народов, населяющих Карпато-Дунайский бассейн, представлены многочисленные общие черты, которой возникли здесь в результате длительного процесса этнической и языковой интерференции. Именно это дает основание в настоящее время говорить об относительной самостоятельности карпатского языкознания наряду с другими разделами науки о языке, например, с балканским языкознанием.

На предстоящем симпозиуме будут подведены первые итоги в области карпатского языкознания и намечены некоторые перспективы. Карпатское языкознание будет успешно развиваться только в том случае, если удастся установить тесный контакт между лингвистами, работающими в различных научных коллективах, а также между специалистами по языкознанию этнографии, фольклору. Вот почему на симпозиуме будут обсуждены не только доклады по языкознанию, но и по различным вопросам культуры народов карпатской зоны.

МЕЛОДИКА ВЕНГЕРСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В СРАВНЕНИИ С МЕЛОДИКОЙ УКРАИНСКОЙ И СЛОВАЦКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ ЗАКАРПАТСКОЙ ОБЛАСТИ УССР

В венгерском языке, в отличие от других, гласные в количественном отношении произносятся двояко: кратко и долго. При этом и краткие, и долгие гласные могут быть ударными и безударными. Эти отличительные особенности принято называть антропофоническими, они входят в свойственную данному языку просодику.

Известно, что мелодика речи (фразы, предложения) даже у одного и того же человека бывает не всегда одинаковой. Речевая интонация человека находится под влиянием диалектной звуковой сферы. Венгерская речь имеет две ярко выраженные отличительные особенности по сравнению с украинским и словацким языком. Первая особенность состоит в том, что ударение не перемещается с одного слога на другой и падает всегда на первый слог слова. Вторая особенность — в том, что каждый слог произносится отчетливо, поэтому различия в ударениях разных слогов не слишком велики.

Изменения, произошедшие в интонации венгров Закарпатья (не столь, правда, резкие, по сравнению с общепринятой интонацией венгерского литературного языка) оказали значительное влияние на мелодику венгерской разговорной речи Закарпатья. Изменения, обнаруживающиеся в интонации речи венгров Закарпатья, восходят к украинскому языку, а также к словацкому языку, который по 50-е годы XX в. служил, например, в Ужгороде, одним из основных средств общения на рынке.

Разноязычная звуковая среда рождает некоторую вариабельность оттенков звуков. Она закрепляется и часто приводит к оживлению, но вместе с тем и к искажению норм произношения родной речи говорящего. О наиболее общих нормах, утвердившихся и закрепившихся в произношении венгерской разговорной речи жителя Закарпатья, ее мелодике в сравнении с мелодикой украинской и словацкой разговорной речи, свидетельствуют статистические данные и акустические анализы явлений активного взаимодействия речевой интонации языков смешанной области.

Статистические данные подсчета частоты употребления звуков речи (в музыкальной нотации) и их интервальное соотношение подтверждают, что мелодика венгерской разговорной речи Закарпатья по сравнению с мелодикой украинской и словацкой разговорной речи меняется, приспосабливаясь к украинской и словацкой.

В такой разноязычной звуковой среде, какая существует в Закарпатье, кроме статистического метода исследования звукового взаимодействия, необходим еще и второй, контрольный, метод исследования, который объективно покажет ладово-интонационные особенности каждого из этих языков в отдельности.

В целях получения наиболее точных данных, нами применен метод измерения динамических спектрограмм речи шопотом. Опознаваемость слов, воспроизведенных шопотом, даже в политональных языках составляет довольно высокий процент. В результате произведенных акустических измерений динамических спектрограмм речи шопотом, полученные нами данные позволяют составить таблицу усредненного эталона звуков человеческой речи вообще. Кроме этого, наши исследования дают нам право полагать, что разноязычная звуковая среда, которая оказывает довольно ощутимое влияние на речевую интонацию, возможно, приведет нас к новым языковым нормам, к упрощению разных акустических приемов запоминания и перевода с одного языка на другой.

Сравнение мелодики разных языков смешанной языковой территории и их взаимодействия важно с точки зрения науки. В настоящее время эта проблема представляет большой интерес для лингвистов, музыковедов, историков, для фольклористики, кибернетики и социологии.

С. Б. Бернштейн

ВОПРОСЫ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ЯЗЫКОВ КАРПАТО-ДУНАЙСКОГО АРЕАЛА

1. Контакты языков имеют различные формы и в связи с этим дают различные результаты. Наиболее существенные последствия возникают на почве билингвизма, когда происходит глубокое взаимопроникновение разных языковых систем. Именно в результате подобных процессов формируются так называемые языковые союзы, ярким представителем которых является, например, "балканский языковой союз". Такое взаимодействие языков целесообразно называть интерференцией (термин введен впервые представителями пражской лингвистической школы).

Многие современные языки сформировались в результате сложных процессов интерференции, которые наложили на них печать своеобразия и обособили их в какой-то степени от близкородственных языков (ср. необычный для славянских языков аналитический строй болгарского языка). Язык кельтов существенным образом преобразовал народную латынь на территории Трансальпийской Галлии, придав ей во многом те черты своеобразия, которые отличают французский язык в кругу романских языков. Глубокие преобразования испытала романская речь в Дакии и в соседних областях. Многие нероманские элементы румынского языка являются незаимствованными: их внесли те дако-мизийские, а позже славянские племена, которые были в разное время ассимилированы носителями романской речи. Современные языки формировались в результате сложных этнолингвистических процессов. "Свое" и "чужое" часто нельзя разграничивать на основе этимологического анализа.

2. Языки и диалекты карпато-дунайского ареала принадлежат к языкам разных семей (индоевропейские и угро-финские языки), к разным

группам индоевропейских языков (славянские и романские языки). Здесь обнаруживаются многочисленные заимствования из соседних языков (например, венгерские заимствования в украинских говорах и под.) Эти заимствования легко выявляются. Они имеют, как правило, локальный характер. Однако наряду с этим на значительной территории от Днестра на востоке и до Моравы, Нитры, Грона на западе наблюдаем большое число общих языковых элементов. Они обнаруживаются в словаре, в значении слов, в словообразовательных морфемах, в некоторых синтаксических конструкциях. Речь идет о таких общих элементах, которые отличают данный языковой континуум от языков, распространенных к востоку, северу и западу от данной территории. Наоборот, эти общие особенности тесно связывают языки карпатской зоны с балканскими языками.

3. Общие черты языков карпатского ареала формировались в течение длительного исторического периода. Многие из них восходят к тем древним индоевропейским языкам карпатской зоны, от которых до нас дошли очень скудные сведения. Речь идет о языках древнего населения Дакии, Паннонии и соседних областей. Большую роль в формировании этих особенностей играли местные племена, говорившие на романских и славянских языках. Не столь велика роль венгерского элемента.

4. Среди специфических общих черт языков и диалектов карпатского ареала следует различать карпатизмы и балканизмы. Не всегда это разграничение легко провести, так как оно должно опираться не только на результаты этимологического анализа. Необходимо хорошо знать конкретную историю каждого общего элемента. Карпатизмы формировались главным образом в течение первого тысячелетия н.э. (до прихода венгров). В их формировании участвовали языки местного древнего индоевропейского населения. Не входя в спорные и темные вопросы древнекарпатской языковой ситуации, будем относить эти элементы к фракийским элементам. В этимологическом плане среди карпатизмов еще следует различать элементы кельтские, романские и славянские. Среди поздних карпатизмов имеются также элементы венгерского происхождения, в меньшей степени элементы германских языков.

Велико значение во всей карпатской проблематике славянского аспекта не только потому, что среди карпатизмов много славянских элементов, но и потому, что в процессах этнической и языковой истории славян Карпаты и прилегающие к ним районы играли весьма значительную роль. В течение длительного времени здесь шел процесс формирования отдельных праславянских диалектов, между которыми в различные периоды устанавливались сложные взаимоотношения. Это был район, где нарушались четкие противопоставления основных славянских языковых групп и возникали новые этнические и языковые образования, характеризующиеся сочетанием разнородных признаков. Здесь создавался особый славянский языковой континуум, отдельные элементы которого уже позже пережили сложные трансформации. В иных исторических условиях на Карпатах могла бы сформироваться самостоятельная славянская языковая группа, в которой гетерогенные диалектные признаки представляли бы внутреннее единство. Этого не произошло в результате балканской миграции славян и ассимиляции оставшихся здесь славян румынами и

вентрами. Северная периферия славянского карпатского континуума вошла в сферу воздействия восточных и западных славян. Таким образом, отнесение местных славянских карпатизмов к болгаризмам или сербизмам является неправомерным. В равной степени общие элементы в болгарском и сербском языках могут считаться карпатизмами. Эти вопросы нельзя решать с позиций современной славянской языковой карты, через призму современных классификационных критериев.

После турецкого завоевания Балканского полуострова начинается интенсивное перемещение населения из Болгарии, Сербии и других районов Балканского полуострова в Большую и Малую Валахию, Банат и соседние районы. Переселенцы принесли с собой многие новые языковые особенности, которые получили широкое распространение в языках карпатского ареала. Это — балканизмы, которые еще теснее сблизили языки народов, населяющих Карпаты. Большую роль в распространении балканизмов играло кочевное пастушество. Среди балканизмов следует различать болгаризмы, сербизмы, грецизмы, албанизмы. Большое место среди них занимают турцизмы.

5. В результате последних диалектологических исследований некоторые карпатизмы обнаружены далеко на севере за пределами карпатской зоны (например, в говорах Полесья). В настоящее время мы знаем лексемы и словообразовательные структуры, которые объединяют западный диалектный пояс восточнославянских языков с карпатским и южнославянским языковым континуумом. Польские диалектологи отмечали наличие типичных карпатизмов не только в карпатских (южных малопольских) говорах, но и в говорах более северной зоны. Велико значение карпатской проблематики для решения многих вопросов происхождения и истории словацкого языка. Таким образом, изучение карпатизмов, их генезиса перерастает узкие рамки карпатского языкознания и становится одной из важнейших задач славянского языкознания.

6. Геологи и географы уже давно всесторонне изучают геоморфологическую структуру Карпат и прилегающих к ним районов. Много сделано для изучения общих черт в материальной и духовной культуре карпатского населения этнографами, фольклористами и искусствоведами. К сожалению, лингвисты в этом направлении сделали еще очень мало. Это наносит серьезный ущерб не только карпатскому языкознанию в целом, но и изучению истории отдельных языков и диалектов карпатского ареала. В развитии карпатского языкознания должны быть заинтересованы не только слависты и балканисты, романисты, финно-угроведы, но и специалисты по отдельным языкам карпатской зоны.

НАРОДНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ДОМАШНЕГО СУКНОДЕЛИЯ ЗАПАДНОГО ПРИКАРПАТЬЯ И ЗАКАРПАТЬЯ-БОЙКОВЩИНЫ.

Благодаря развитому овцеводству западная часть Украинских Карпат имела все условия для возникновения и развития такого народного промысла, как сукноделие – суконництво. На полянах и высоких полонинах местные жители – бойки издавна пасли стада овец, дававших шерсть, вовну – руно. Шерсть использовалась для изготовления различных шерстяных тканей и изделий. Домашний промысел сукноделия уже в **XIV** веке на Бойковщине перерос в ремесло. Это подтверждается архивными материалами, находящимися в г. Самбор, а также другими научными данными.

Результаты лингво-этнографического исследования западной части Украинских Карпат дают нам основания для следующих выводов:

1. Основным занятием жителей Бойковщины издавна было овцеводство – вівчарство.

2. Производственный процесс сукноделия очень близок к ткачеству. Тканье сукна и других шерстяных изделий (ліжників и плахт) осуществляется на горизонтальном станке. Окончательная обработка сукна происходит в ступах, а ліжників – пелехачів – в валилах. Домашнее изготовление килимів и ліжників переросло в советский период в художественный промысел, который славится далеко за пределами этнических границ Бойковщины.

3. По происхождению названия сырья, изделий и важнейших приспособлений, устройств и сооружений – реалий, а также производственных процессов, связанных с выработкой шерстяной продукции, в исследуемых говорах Бойковщины являются общеславянскими (вовна, сукно; кросна, ступа), общевосточнославянскими (валяти, валювати) и украинскими (лотоки, наголовач, валів, кадовб; бити сукно, ступати сукно; наліжник, докрівець, хадничок, плахта, дерга, гунина, гуня, гунька, сірачина, сірак и др.).

4. Заимствований в этой группе лексики относительно мало. К полонизмам следует отнести такие слова, как фоліуш (folusz), вал (wał из нем. Walze). Немешким по происхождению является слово коц (Kotze). Все они принадлежат к позднейшим напластованиям и имеют параллели славянского происхождения, например: folusz – ступа, waf – воротило, коц – ліжник. Этим подтверждается давность возникновения и самобытность развития исследуемого вида народного промысла и народной терминологии.

5. Изоглоссы большей части сукнодельческой лексики Бойковщины продолжают в соседних – лемковских, гуцульских и др. говорах юго-западного украинского наречия.

6. В связи с тем, что сукноделие как вид домашнего промысла на Бойковщине в наше время исчезает (на Прикарпатье ныне оно уже не существует), часть сукнодельческой лексики архаизируется. Правда, в Закарпатской части сукноделие стало колхозным, артельным и переросло в художественный промысел, однако народная терминология остается в

употреблении, не заменяется терминами украинского литературного языка.

7. Овцеводство и сукноделие воспеты в народном творчестве; таким образом, овцеводческая и сукнодельческая лексика отражена в фольклоре, особенно часто она встречается в бойковских співаночках – коломийках. Она находит отражение и в ономастике, а также в ее части – топонимике (Вівчар, Ступар, Сукнар; Поляна, Полонина и др.).

Ю.В. Бромлей, Н.Н. Грацианская

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАРПАТОВЕДЕНИЯ

1. В этнографии народов Европы исследования в области этнической истории, культуры и быта населения Карпат и прилегающих к ним областей занимают особое место и содержат большой круг проблем, решение которых требует совместных усилий ученых разных стран и привлечения данных разных дисциплин.

2. Это прежде всего изучение Карпат как единой хозяйственно-культурной зоны, связанное с проблемой общего и специфического в культуре населяющих ее народов. Общие черты сказываются во всех элементах материальной и духовной культуры – народной архитектуре, одежде, обрядах и обычаях, словесном и музыкальном фольклоре и т.д. Этническая традиция у каждого из карпатских народов формировалась под влиянием устойчивых сочетаний различных факторов. Сходные условия жизни в горах привели к образованию культурных традиций, общих для целой группы народов.

3. Одна из самых интересных и сложных проблем культуры населения Карпат, ставшей темой научной дискуссии еще с конца XIX века – так называемая колонизация Карпат на валахском праве, связанная с происхождением валахов – колонистов – носителей специфического способа отгонного скотоводства. Специфика этого хозяйства определила в основном и весь этнографический облик Карпат, найдя свое отражение во всех элементах материальной и духовной культуры карпатских горцев. Влияние это прослеживается и сейчас, несмотря на то, что отгонное скотоводство давно перестало играть главную роль в экономике большей части карпатских областей. Вместе с тем изучение отгонного скотоводства в Карпатах и проблема использования народных традиций в современном комплексном хозяйстве в горах (сочетающем скотоводство и земледелие) имеет и большое практическое значение.

4. Очень важны, но еще плохо изучены, вопросы этнической принадлежности валахов-пастухов на всем протяжении Карпат (до западных областей) и самого карпатского типа пастушества (включая и лексику, связанную с пастушеским бытом). В литературе они получили название проблемы "румынских влияний" в Карпатах, которая до последнего времени оставалась предметом острых споров. Термин этот не представ-

ляется удачным в применении к валашской колонизации XIV–XV вв. Румынский народ сложился позднее и не поглотил весь восточнороманский этнос, о котором только и может идти речь в этот период. Было бы правильнее пользоваться терминами "восточные романцы", "восточно-романское влияние" по отношению к пастушескому элементу в Карпатах.

5. Изучение культуры населения Карпат может помочь и решению ряда теоретических вопросов, касающихся закономерностей развития культуры. Здесь, при своеобразных условиях быта и известной изоляции, как и в большинстве горных районов вообще, долгое время сохранились реликтовые формы культуры, давно исчезнувшие на равнине. Многие архаичные формы народной культуры на Карпатах говорят об ее тесных связях и с культурой балканских народов.

6. Для карпатских народов особенно характерна проблема межэтнических связей: здесь, в центре предполагаемого славянского этногенеза, были очень сильны не только межславянские, но и славяно-венгерские и т.д. контакты. Это объясняется особенностями этнической истории Карпат, в заселении которых принимали активное участие жители прилегающих к ним равнинных областей, а скотоводческий тип хозяйства означал постоянные миграции населения.

7. Актуальны и проблемы современных этнических процессов у народов карпатского региона (например, консолидация этнографических групп внутри народа), а также культурно-бытовых процессов, проходящих под влиянием социалистических преобразований и растущего материального благосостояния.

8. Для координации исследовательских работ в области культуры карпатских народов создана Международная Комиссия Карпатской Культуры – МККК – первая организация в области этнографической науки, объединяющая страны социализма. Для получения сопоставимых данных по отдельным темам выработаны общие программы. Сбор материалов по этим программам, проводимый учеными разных стран на своей территории, должен закончиться созданием историко-этнографического атласа, который в свою очередь послужит фундаментом для широких обобщений в области культуры карпатских народов.

К.Ф.Герман

ОРОНИМЫ-КАРПАТИЗМЫ В УКРАИНСКИХ ГОВОРАХ СЕВЕРНОЙ БУКОВИНЫ

Оронимы-карпатизмы принадлежат к древнему слою лексики. На развитие и формирование их форм и значений в разное время оказывали влияние древние языки (дакийский, кельтский, народная латынь), а позже – венгерский, румынский, а также славянские языки: украинский, польский, словацкий, болгарский, сербохорватский. Среди оронимов-карпатизмов, распространенных на территории Северной Буковины, есть названия, которые обозначают горы в зависимости от их конфигурации, высоты,

от формы вершины, наличия или отсутствия леса, травяного покрова и т. д. Карпатизмы представляют очень интересный материал из области межъязыковой интерференции, они отражают взаимодействие, взаимовлияние между языками разных народов на протяжении двух тысячелетий. Примеры оронимов-карпатизмов.

Бердо, -я <общеслав. *brdŏ* 'ткацкая гребенка'; вторичное значение - ороним: 'гора с крутыми каменистыми или скалистыми склонами'. Последнее значение возникло уже в древности. Известно многим славянским языкам: чешск. *brdo* 'холм', 'верх', слов. *brdo* 'утес', болг. *бърдо* 'холм, возвышенность', словен. *brdo* 'гора', с. = хорв. *брдо*.

Готар, -я 'горный хребет, служащий границей' < рум. *hotar* 'граница', ср. венг. *határ*.

Гирла, -и 'мокрое низкое место между горами'; в украинском литературном языке гирло 'устье реки' < общеслав. **gŕlŏ*; ср. ст. = слав. грьло. Ср. рум. *gîrlă* 'ручей, рукав реки, яма' - из славянского.

Глифа, -и 'гора с крутыми глинистыми склонами'. Ср. однокоренное глиней 'неродючий грунт'. Происхождение неясно.

Гропи, -и 'местность, изрытая ямами, оврагами'; общеслав. гробъ 'яма', гот. *grōna* 'яма' и лит. *grābas* заимствовано из славянского.

Грун, -я 'невысокая гора с пологими склонами и относительно ровной вершиной'. Родственно русск. груда (<**grŭda*) и гряда (<**gręda*); рум. *grui* - заимствование из славянского.

Извори, -и 'родники, место, откуда берут начало реки, ручьи'. Рум. *izvor* - из славянского.

К'е'ч'ера, -и 'высокая гора с крутыми склонами, покрытая лесом'; возможно связано с *кѣкур* 'отвесная скала на берегу моря'; известное в финноугорских языках (см.: Фасмер).

Плай, -ю 'относительно ровный безлесный горный хребет'. Однокоренное с плато; ср. укр. полонина, болг. планина. Рум. *plai* - из славянского.

Рипа, -и 'гора с обрывистыми склонами'; рум. *ripa* < лат. *ripa*.

Царинка, -и 'травянистый луг в горах, площадь на которой растут травы для сенокоса'; рум. *țară* < лат. *terra* 'земля'.

Таким образом, большинство рассмотренных оронимов-карпатизмов - славянского происхождения: бердо, гирла, гропи, грунь, извори, плай; меньшая часть - романского происхождения: рипа, царинка, а также венгерского: готар, к'е'ч'ера.

Л. А. Гиндин

ДРЕВНЯЯ ЭТНОНИМИКА ПРИКАРПАТЬЯ

1. Первый из подлежащих исследованию этнонимов (ЭН) засвидетельствован в следующих формах: *Costoboci* (Plin. HN VI, 19; Hist. Aug. IV, 22, 1 - I в. н. э.); *Costobocae* (Amm. Marc. XXII, 8, 42 - IV в. н. э.); *Κοστωβοῖ* (Paus. X, 34, 5 - II в. н. э.); *Κοστωβοι* (Suid. s. v. *ἡπειά*);

Κοιστοβῶκοι (Ptol. III, 5,9; 8,3 — II в. н. э.); ср. адъектив Coisstobocensis (CIL VI, 1801), Κοιστοβῶκοι (DiO LXXI, 12 — II в. н. э.); Castabocae (CIL III, 142141¹², Адамклиси в Добрудже; VI, 31856, 10 — между 176 — 180 г. н. э.); Costob[oci]o — cognomen, Африка (CIL VIII, 14667).

2. Оставившие заметный след в истории Римской империи II в. н. э. костобоки, дважды упомянутые Птолемеем, один раз (Ptol. III, 8,3) при описании Дакии, второй раз (Ptol. III, 5,9) при описании Европейской Сарматии, обитали по разные стороны Карпат (Кудрявцев), часть у южных предгорий (сев.-вост. окраина Дакии), часть на внешней стороне Карпатской дуги к востоку (ср. Premerstein—RE XI, 2,1505).

3. В докладе в рамках фракийской (resp. дакийской) этнической принадлежности костобоков, предпринята попытка этимологической интерпретации этнонима в свете данных комбинаторного анализа фрак. ономаст. реликтов и фактов хетт.-лув. языков.

а. Приняв форму Costoboci, Κοιστοβῶκοι (с о в 1-м слоге) за исконную, как самую древнюю и наиболее распространенную, включая надписи, предлагается морфемное членение на Κοιστο-βῶ-κοι вопреки Томашеку, Нидерле, Дечеву и др., в соответствии с четким рядом фрак. ЭН, имеющим -κοι в исходе греч. передач: *Αρτα-κοι, Δᾶ-κοι (<*Δαf-κοι),

Δβλου-κοι, Σαβῶ-κοι, ср. также многочисленные антропонимические этника на -κος, например: Μυσια-κός, *Αρτα-κός, *Πδωνι-κός и т. д.; в лат. передаче — cus, например: Moesia—cus, Thra—cus и т. д. Выявленное парадигматическое —ко- (-cu-) — регулярный фрак. рефлекс продуктивного в и.-е. языках деминутивно-лейоративного *-ко-, часто используемого в качестве этникон-словообразовательной морфемы (Schwyzer Gr. Gr. I, 496 сл.; Brugmann. Grundriss II, 238 сл.).

б. За вычетом фрак. суффикса -κο- получается основа Κοιστω-, лат. перед. Costobo-/Castabo-, целиком совпадающая с основой, хорошо представленной в позднехетто-лув. ономастике, ср. местные названия (МН): лид. Καταβο-ς, килик. Καταβα-λ(λ)α, кар. Κωτοβαλον, в которых в свою очередь вычлняется непроизводная основа Κατ(α)-, наличествующая в МН: кар. Χασται, Κατα-ιος (также демотикон), килик.-догреч. (анат.) Κατα-μα и демотиконах: кар. Κατω-λος, лик. Κατα-υνευς. В хетт. клинописи м.-аз. основе Κατ(α)- соответствует апеллатив ḫaštai "кость; сила, выносливость", ср. *ḫaštali- "героический", букв. "костистый"—капп. личному имени (ЛИ) ḫaštali- (начало II тыс.); в то же время м.-аз. основа Καταβα- совпадает с капп. URU ḫa-aš-tu-wa [*Hast(a)-uwa]. Полученный в результате словообразовательный элемент — фрак. -βω-/βο-, лат. -bo-/ba- = м.-аз. -βω-/βα- — удовлетворительно толкуется также на хетто-лув. почве, отражая раннехетто-лув. адъективный суффикс -wa-, продуктивным при образовании различных притяжательных конструкций, в том числе многих этника (и.-е. -цо- в *patf-цо-: *patf-цо-, ср. др.-инд. pítv-ya-: греч. πάτρω < *πατρω-φο-ς и т. д.; первичное -цо- в *ek'цо-, *dei-цо- — Brugmann. Grundriss II, 126). В этой связи правомерно восстановить протооснову фрак. ЭН, аналогично ее "анат" соответствиям, в виде *Hasta-ца и приписать деривату последней в грекоримских отражениях (Κοιστοβῶκοι и пр.) значение "(племя) сильных, могучих"; мена а:о (:ω) свойственна

греко-римским передачам как м.-аз., так и фрак. имен собственных; к отражению ларингала через k:g:h в фракийском, подобно м.-аз. рефлексам, ср. фрак. ЛИ Τορκος, Τορκους и т.д. при хетт. Tarḫu-; фрак. ЛИ Nerpa-rogis при м.-аз. теониме *Iṭta, Eṭta < хетт. (хурр.) Ne/Ṇipat; МН Gyge-περος (гора) при глоссовом γυγαί· πάρος = хетт. ḫuḫḫa- и пр., лид. Γυγης (царь) и т.п. Важно подчеркнуть, что рассмотренный фрак. ЭН отличает лексическая исключительность в фрак. ономастиконе.

в. Возможно иноязычный генезис ЭН Κοστωβῶκοι и пр. отнюдь не противоречит принадлежности самого племени к дак. герм. фрак. этнической общности, о чем свидетельствуют ЛМ в римской эпитафии (CIL VI, 1801), принадлежавшей коотобокам: d.m. Ziai Tiati fil. Daciae uxori Piepori regis Coisstobocensis Natoporus et Drilgisa cariss. b. m. fecer.

П. 1. Saboces (Script. hist. Aug., Iul. Capit. IV, 22,1); Σαβῶκοι, согласно Ptol. III, 5,8, локализируются в зап. Европейской Сарматии, видимо, на сев. склонах Карпатских гор (πρὸς τὸν Καρπάτιον ὄρος).

2. В аспекте фрак. комбинаторики эфемерность членения Σα-βῶκοι очевидна. Вопреки Шафарыку, Томашеку, Дечеву и др. за единицу исследования необходимо принять основу Σαβω-, лат. перед. Sabo-, из туземного *Saṣa-, распространяемую фрак. этникон-суффиксом -ko- (см. выше); в поздних транскрипциях интервокальное φ. и часто через β (b), а через ω, лат. o. T. o. признаваемое по традиции тождество следования -βῶκοι в Κοστω-βῶ-κοι и Σαβῶ-κοι - результат немотивированной омофонии. Как и в первом случае, этимологическое истолкование туземной основы *Saṣa-, скрытой в греко-римской передаче соответствующего ЭН, определяется прежде всего м.-аз. материалом. Эта основа полностью идентична лик. туземя. ЛИ Ssewa билингв. Σηο с выпадением интервокального φ, сохраняемого в некоторых из греко-м.-аз. соответствий: "фриг." - псид. ЛИ Σαους, лхн. МН Σοστρα с вариантами Σαουατρ, Σαυατρα, Σαβατρα возм., исавр. ЛИ Σα < *Sau- и пр. На апеллативном уровне данный ономастический м.-аз. слой может быть соотнесен с глагольной и именной поздне-хетт. основой *saḫ- в лид. saven- "расти, урождаться", возм., "gut haben", saw "хороший", далее, возм., префикс su- "хорошо, благо" = др.-инд. su-, ст.-слав. СЪ- (СЪДРАВЪ) и пр. (Шеворошкин). Реальность материального тождества фрак. и м.-аз. основ обуславливает интерпретацию дако-фрак. ЭН Σαβῶκοι как "(племя) процветающих, много численных герм. мощных", ср. фрак. ЭН Βι-θυνοι (к и.-е. *tū- "быть сильным, мощным").

3. Плотный слой ономастических образований от основы *Saṣa- на о. Самофракия скорее говорит в пользу исконно фрак. генезиса ЭН Σα-βῶκοι, см. название горы Σαος с вариантами Σαουος, Σαβος, свидетельствующими о первоначальном интервок. φ, (также приток Дуная в Паннонии) и синонимами Σάον, Σαώκη./ης; затем другие названия Самофракии - Σαουνησος, Σαοκίς; формы с суффиксом -k- из *Saṣa-k- ~ ЭН Σαβῶκοι; сюда же жреческий титул Sai (< *Saii), antistites penatium. В континентальной Фракии см. ЛИ Κασι-σαος.

ИЗ ИСТОРИИ РАССЕЛЕНИЯ СЛОВАКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАКАРПАТЬЯ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СЛОВАЦКО-УКРАИНСКИХ ВЗАИМОВЛИЯНИЙ

1. Словацкая колонизация Закарпатья началась с конца XVIII в. и с разной интенсивностью продолжалась до второй половины XIX в. Основную массу словацких переселенцев составляли выходцы из Восточной Словакии, и лишь незначительная часть их происходила из районов Средней Словакии.

2. На новых местах словаки расселялись компактными группами, создавая в существующих уже украинских селах свои отдельные "концы" или основывая "приселки" около них: Спишак (1738-1743 гг.) около Ужгорода, Гурка (1790г.) около Довгого, Поташня (1-я четверть XIX в.) около Перечина, Гута около Турьей Поляны, Гамра около Турьей Реметы, Гамра около Анталовца, Гамра около Лисичова, Липтаки около В. Березного. Основная масса словаков расселилась в югозападных районах и лишь небольшая часть - в центральных районах Закарпатья (сс. Довге, Лисичово).

3. Вплоть до конца 2-й мировой войны словацкие переселенцы сохраняли свои обычаи, обряды, язык и почти не вступали в семейные связи с местным украинским населением, что объясняется, очевидно, отличием в вероисповедании. Словаки-переселенцы здесь жили изолированно от словаков Восточной Словакии, только жители крайних западных сел (Перечин, Сторожница, В. Березный) имели эпизодические контакты со словаками Восточной Словакии. Несмотря на это, в ряде случаев закарпатские словаки подверглись достаточно значительной украинизации (с. Гута Перечинского района, с. Глыбока Ужгородского района). В свою очередь словаки оказали определенное влияние на некоторые стороны жизни местного украинского населения: так, репертуар свадебных песен украинцев окрестностей Ужгорода стал в значительной степени словацким.

4. Переселенческие говоры закарпатских словаков почти не подвергались влиянию литературного словацкого языка. Дети словаков учились в украинских или венгерских школах; словацкие школы в течение короткого времени существовали только в отдельных селах: Довгом, Оноковцах.

5. Словацкое население издавна сплошь двуязычное (в общении с украинцами словаки пользуются местным украинским говором), а некоторая часть (теперь, в основном, представители старшего поколения) и триязычная (знает и венгерский язык).

6. В местных словацких говорах отмечается значительное количество украинизмов, в частности, лексических: *šeger* 'черепки, осколки посуды', *šereda* 'стадо', *kolot'ucha* 'кулеш', *međa, mežameža*, *meži, meži* 'между', *motovilo* 'мотовило', *prehodka* 'перегородка', *smereka, smerečina* 'ель' и многие другие. Соответственно в украинских говорах Закарпатья, в частности, в крайних западных районах отмечается довольно много словакизов (см. работы И.Верхратского, И.Панькевича, К.И.Галаса и др.), какая-то их часть могла быть заимствована и от словаков-переселенцев.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЛЕКСИКОЙ НАРОДНОЙ ВЕТЕРИНАРИИ
УКРАИНСКИХ ГОВОРОВ РАЙОНА КАРПАТ

1. Названия инвазионных болезней овец

Природные условия района Карпат способствовали тому, что животноводство здесь с давних пор в горной полосе стало главной, а в предгорьях одной из основных производственных отраслей, что в свою очередь обусловило появление богатой и специализированной соответствующей терминологии. Это касается всех слоев пастушеской лексики, включая и терминологию народной ветеринарии. Здесь не только чабаны, но все /и мужчины, и женщины/ обыкновенно довольно четко и обстоятельно различают многие болезни овец и знают для них местные названия. Об общем сравнительно высоком развитии народной ветеринарии в исследуемом районе могло бы свидетельствовать, например, и то, что украинские чабаны, как и их румынские и словацкие коллеги, при лечении ценуроза умели проводить трепанацию черепа.

Для обозначения инвазионных болезней овец в исследуемых говорах за-
свидетельствовано значительное количество различных названий и их фонетических и словообразовательных вариантов.

1. Ценуроз церебральный /*Coenurus* /: вертáчка, верт'áчка, гусé-
личниц'а, гусéлиц'а, гусéличниц'а, гусéниц'а, гусíлка, гусíлиц'а, гус-
сін', дур, дурка, дурман, дурне́ц', дурн'áвка, дурн'ák, дурн'áчка, дурн'-
овка, зéдур, здурін'а, удурін'а, зáкрут, крутелищ'а, кру́тел', круті́лич,
круті́ш, крут'ánка, кручен'а, міхур', мозкувий, мозкáвец', хорбáк, кра-
пáк, хробáк, хропáк, чарвáк, червáк, червáк у голові, червáк головній,
червáк мóзку, червы мотгóві, шáлей, шалені́йка, шалін'áчка.

2. Диктиокаулез /*Dictyocaulosis* /: вóлос, вóлос бі́лий, вóлос жи-
вій, волóс'а живé.

3. Фасциолез /*Fasciolosis* /: болóтавка, болóтна, болóто, бо́ла во-
д'анá, болóто морóзне, болóт'анка водá, водавін'а, води́ц'а, вод'áвка,
вод'ани́ц'а, вод'ánка, вод'ánка во́ле, во́лен', во́ло, воловáтуст', вол'овá-
туст', во́л'анка, во́л'áчка, матели́ц'а, ме те ^илиц'а, метели́чка, метелы́-
ц'а, метли́ц'а, мителе́ц'а, мы́те ^илиц'а, мы́тыли́ц'а, митли́ц'а, мотеле́ц'а,
мотели́ц'а, моты́ле́ц'а, моты́ли́чка, моты́ли́ц'а, моты́л', мотли́ц'а, мот-
ли́чка, мото́лиц'а, мото́чиц'а, моту́лиц'а, мото́лиц'а, мото́ли́чка, моте́ ^или-
ц'а, и др.

4. Мониезозы / Monieziosis/: черва́н'а, черва́н'а, черва́чка, черва́чка, черв'я́й, черв'я́чка, червот'я́чка, черв'я́чка.

5.Естрез овец / Oestrosis /: бомба́р', бумба́р', смол'авка, смол'я́чка, сморд'анка, черва́ку но́сі.

6. Акароз / Ptirigiosus scabies /: коро́ста, коро́ста в'я́ча, коро́ста су́ха, коро́ставка, коро́ставка, коро́стли́вка, коро́стовка, коро́стра, коро́ст'авка, све рбл'я́чка, све рбл'я́чка, хворо́ста, часо́тка, че со́стка, че су́ха, чеш'і́р', чешо́тка, чіха́вка, чу́ханка, чу́ханка, ши́панка, ши́панка, шу́панка, шу́панка и др.

Все отмеченные названия имеют прозрачную этимологию и мотивацию наименования. Значительная часть их имеет параллели в других украинских говорах и в диалектах некоторых славянских языков.

В последнее двадцатилетие под влиянием литературного языка, в частности, обслуживающего персонала врачей и ветеринаров, в народную речь довольно широко входят научные названия этих болезней: фасцил'ос, фасциліоз, фасциол'оз, пенуроз и т.п., что способствует образованию дублетов-синонимов типа мотыли́чка: фасциліоз, фасциол'озм. Но традиционные названия болезней пока довольно прочно сохраняются и даже в языковой практике молодежи, которая так или иначе связана с овцеводством, поэтому нет оснований говорить об их архаизации.

В докладе дается обстоятельный лексикологический анализ всех отмеченных названий.

А. Д. Дуличенко

ЯЗЫК БАЧВАНСКО-СРЕМСКИХ РУСИНОВ И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С ЯЗЫКАМИ И ДИАЛЕКТАМИ КАРПАТСКОГО АРЕАЛА

1. Язык русинов Югославии является представителем карпатского (северного, периферийного) типа "балканского языкового союза" (С.Б. Берштейн); в результате длительной оторванности от карпатского языкового ареала в нем (под влиянием сербохорватского языка) появились также некоторые черты, характерные для собственно "балканского языкового союза". Таким образом, русинский язык в известном смысле можно считать связующим звеном между карпатским типом и собственно "балканским языковым союзом".

Предки русинов, которые в настоящее время живут в некоторых селах обл. Бачка, Срем, Славония, пришли в самом начале XVlll в. из Восточной Словакии (бывш. Земплинский и Шаришский комитаты.). По вопросу их языковой и этнической принадлежности выявились две точки зрения; согласно первой, язык бачванско-сремских русинов является одним из западноукраинских говоров (В. Гнатюк, Г. Костельник), согласно второй, в основе русинского языка лежит цотацкий говор восточно-словацкого диалекта (А. Соболевский, Ф. Пастрнек, Й. Пата, О. Брок, В. Францев, С. Цамбел, Ф. Тихи и др.).

2. Со славянскими языками и диалектами карпатского ареала язык русинов Югославии связуют ряд общих черт в области лексики, словообразования и грамматики (причем некоторые из этих черт обнаруживаются также и в неславянских языках - венгерском и румынском). Ср. например: русин. вельо "много" - закарп.-укр. вильо (также вельо), вост.-словац. *veľo*, польск. *wielę* русин. гварии - закарп.-укр. гварити, вост.-словац. *hvaric*, польск. *gwarzyć*; русин. кельо "сколько" - закарп. укр. кильо (также кельо), вост.-словац. *keľo*, польск. диал. *kilo*, *kielo*; русин. дем "только", "лишь" - закарп.-укр. дем, вост.-словац. *lem*, польск. диал. *lem*; русин. туні "дешевый" - закарп.-укр. туний, туний (наряду с дешевый/дешевый, дешевий), вост.-словац. *tun'i*, польск. *tani*.

В русинском языке отмечены также многочисленные заимствования из неславянских языков карпатского ареала. Ср: венг. *gazda* "хозяин", "владелец" - русин. газда, укр. диал. газда и г'азда, вост.-словац. *gazda*, польск. *gazda*, болг. газда, рум. *gazdă*; венг. *bunda* "кожух", "шуба" - русин. бунда, закарп.-укр. бунда, вост.-словац. *bunda*, болг. диал. и рум. диал. соответственно бунда, бундра и *bunda*, *bundra* и т.д.

В области словообразования в русинском языке можно выделить элементы, имеющие общекарпатское распространение, например, деминутивный суффикс антропонимов -и, ср.: русин. Яни, Дюри, вост.-словац. *Jani*, укр. диал. Васі, а также рум. диал. *Petri*, венг. диал. *Vodri*. Субстантивный суффикс -аш русинских существительных имеет параллели в других языках, ср.: русин. трубаш, гармоникаш, единкаш, кондаш; венг. *óvodás* и русин. оводаш; с. -хорв. вандрокаш и русин. вандрокаш; венг., вост.-словац., с. -хорв. диал. соответственно *rajtás*, *rajtás*, *pajtás*; закарп.-укр. гусяш, болг. диал. рабуташ, фамилияш и т.д., рум. *meseriaş* и др.

На грамматическом уровне также обнаруживается ряд общих для русинского и других языков и диалектов карпатского ареала элементов. Так, прилагательной суперлативной частице май в закарп.-укр. говорах, появившейся, как полагают, под влиянием румынского (*mai*) или же болгарского языка (май) в русинском соответствует префиксальная морфема най-, выступающая в той же функции: закарп.-укр. май люблю "больше всего люблю" - русин. найволім "то же". Ср. также с. -хорв. найволети "то же" и "предпочитать". Наличие аналога в форме префикса и частицы в южнославянских языках дает основание предположить, что это грамматическое явление выходит за рамки узко карпатского ареала. Конструкция дательного притяжательного, характерная для славянских и неславянских диалектов карпатского ареала, весьма активно употребляется в русинском языке: Иду волки од хотара, Так им видно роги (фолькл.), Ліца ім ше червеню, руки ім жимнею (Г. Костельник), ср. также: укр. диал. брат му, вост.-словац. *Ľe jim sine šče žije*; болг. диал. син ми и катана, венг. диал. (а) *falunak bíróu*; ; рум. диал. *băirou lui sat* и др.

3. Под воздействием сербохорватского языка в грамматическую систему русинского языка вошел союз да, которому в языках "балканского языкового союза" соответствуют: болг. и макед. да, словен. da, рум. *să*, албан. *të*, греч. *εἰ*. Появление этого грамматического балканизма в русинском языке вызвало тенденцию к сужению использования форм

инфинитива (сцел бим да ци пошлѐм вм. сцел бим ци послац) и согласительного наклонения (да войдѐе нука вм. же би вошол нука). Вытесняя русинские союзы же (би), кед (би) и др., союз да может вводить в настоящее время до семи типов придаточных предложений – изъяснительные, определительные, условные, целевые, образа действия, сравнительные, а также меры и степени. Однако литературный язык ему противопоставляет.

Ф.Т. Жилко

ФОРМИРОВАНИЕ КАРПАТСКИХ ДИАЛЕКТНЫХ АРЕАЛОВ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА

1. Задачей доклада является интерпретация данных лингвистического картографирования карпатского ареала с целью выяснения некоторых вопросов происхождения и изменения карпатских диалектных ареалов украинского языка. Материал в докладе освещается на уровне диалекта и диалектной общности (объединения).

2. По данным лингвистического картографирования предположительно можно установить отдельные следы трансформации территориальных диалектов земель эпохи раннего феодализма в украинские ареальные (диалектные) единицы. Сравнительно стабильные границы эпохи феодализма и позднее на юго-западе территории Украины имели решающее влияние на сгущение пучков изоглосс – границ некоторых современных ареальных (диалектных) единиц карпатской зоны: часть северной границы бойковского диалекта возникла в зависимости от границы между перемышльской и звенигородской землями; северо-восточная граница общности бойковского и посанского диалектов совпадает с границей перемышльской и звенигородской земель. Формирование значительной части диалектных ареалов украинского языка в карпатской зоне зависело от миграции населения в необжитые горные местности, фронтальных контактов, возникших в связи с заселением и дозаселением: лемковские, гуцульские, частично закарпатские (Л. Дѐже). Ареалы многих диалектных явлений в зоне Карпат определились тем, что центры возникновения и развития инноваций украинского языка находились весьма далеко и не могли отразиться на местном диалектотворческом процессе.

3. Часть диалектных ареалов в зоне Карпат обусловлена древними связями протоукраинских диалектных единиц с южнославянскими. Некоторое количество локальных ареалов возникло в результате контактов с польским, словацким, мадьярским и румынским языками.

4. Ареалы карпатской диалектной общности объединяют бойковский, закарпатский, лемковский и гуцульский диалекты. В своей основе эти ареалы представляют собой архаические элементы разных уровней, являющихся членами ареальных оппозиций, противочлены которых – сравнительно поздние особенности соседних диалектов.

5. Ядром карпатской диалектной общности является бойковский диалект, сохранивший наиболее древнее состояние украинского языка на юго-западе его территории (И. Панькевич). Миграционные процессы, особенно переселение из Бойковщины, отразились на всей карпатской диалектной зоне. Конфигурация значительной части карпатских диалектных ареалов представляет собой различные мозаические образования, которые свидетельствуют, с одной стороны, о прежнем их сплошном распространении и позднейшем исчезновении на части территории, а с другой стороны – о региональных очагах возникновения и изменения части диалектных элементов.

6. Замкнутые изоглоссы ареалов карпатских диалектных элементов отмечаются в украинских диалектах Полесья. Это свидетельствует об их более древнем происхождении по сравнению с ареалами диалектных элементов южной Волини, Посанья, Поднестровья, Подолии и Буковины.

Т. П. Заворотная

НАЗВАНИЯ ГРИБА *BOLETUS RUFUS* SCHAEFF В ГОВОРАХ УКРАИНСКИХ КАРПАТ

1. Украинские диалектные названия грибов многочисленны в пределах почти каждого вида съедобных грибов, а также дифференцированы в пределах говора даже одного населенного пункта. В названиях получили отражение наиболее характерные особенности того или иного гриба. В сообщении предлагаются названия гриба *Boletus rufus* Schaeff (литературное украинское осиковик, підосиковик, бабка червона) в говорах Закарпатской, Ивано-Франковской и Черновицкой областей УССР.

2. Все названия этого гриба в семантическом плане образованы по двум основным моделям: 'цвет' → 'гриб', 'дерево' → 'гриб'. В названиях по цвету используется красный цвет (украинское литературное червоний, диалектное черлений, челлений и др.) – так окрашена шапочка *Boletus rufus*: гриб червоний, гриб черлений, червоний козарь, бабка червона, шапка черлена, красноголовець, черленоголовець, червоношапочка, ясноярещь, червоняк, краснюх, черленик, червінка, червеновчик и многие другие. Многие названия гриба происходят от названий деревьев листовного леса, в котором произрастает *Boletus rufus*. Большинство названий гриба связано с деревьями осика (русское осина, укр. диал. трепета) и тополя: осиковик, осиковець, осичник, осинник, підосиковик, підосиничник, підусовець, пудосичок; топілник, тополець, тополевик, тополник, тополувчик, тополок, тополяк, тополяник; трепетенець, трепетівець, трепетняк и др. С другими видами деревьев связаны названия: березівка, березюк, підберезник; ракітовик, ракетовик; дубовий козарь, вльшаник. Несколько названий отражают место произрастания гриба: підлісовець, пудлішок черлений, багнюк и др. По этим семантическим моделям образованы названия *Boletus rufus* в других украинских говорах, а также

в других славянских языках (русские: осиновик, красноголовик, красяк; польские: grzyb czerwony, borowik czerwony, czerwonołowka, osiniak ср. и нем. Rotkappe, Rotkopf, фр. Bolet orange, Gyrole Retus англ. Orang Cap Boletus).

3. В словообразовательном плане преимущественное большинство слов — это существительные, образованные следующими суффиксами: -ак, -як, -ляк: челенак, красняк, тополяк, трепетняк, топольняк, червоняк, черленяк; -яник, -янка (после губных -лянка): кровлянка, тополяник, трепетяник, челеняник; -ик: вільшаник, осиник, тополик, черленик; -ник: топольник; -овик: топольовик, осиковик, ракітовик. Ряд наименований образованы приставкой під- (пуд-) и суффиксами -овик (підосиновик), -ок (пудосинок, пудосичок), -ник (підберезник, пудосичник, пудтрепетник, пудтопольник) и др. Некоторые названия представляют собой словосочетания: гриб осиковый, гриб тополовий, гриб трепетовый, гриб червений, губа бабина, наименьшую группу составляют сложные слова, компонентами которых является основа прилагательного и существительного. Это слова с суффиксальными основами (красноголовець, красноголовка, черленоголовець, червоновопачка) и бессуффиксными (красноголов).

Таким образом, большинство диалектных названий Boletus rufus этимологически прозрачны; для раскрытия их этимологии достаточен семантический и словообразовательный анализ. Лишь небольшая группа слов требует специального этимологического исследования: лерковик, чиркаш, чалишнюк, машур, чилянька, козарь, галик.

Я.В. Закревская

ВЗАИМОУСЛОВНОСТЬ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЕЙ В УКРАИНСКИХ ГОВОРАХ КАРПАТСКОГО АРЕАЛА

(по материалам агентивного суффикса -ар)

Украинские говоры карпатского ареала, в который объединяются традиционные закарпатские, бойковские, гуцульские, лемковские и часть буковинских говоров, отличаются рядом характерных, только им свойственных черт, к числу которых относится особо развитая и богатая система словообразования этих говоров. С точки зрения словообразовательного инвентаря она почти тождественна системе словообразования украинского литературного языка, но заметно отличается от нее в сфере функционирования отдельных словообразовательных элементов, расширением их семантических функций, изменением продуктивности отдельных формантов, своеобразием сочетания их с разными типами основ и т.п.

При исследовании карпатского диалектного словообразования в ареальном аспекте выявляется четкая территориальная дифференциация

отдельных словообразовательных единиц. Наиболее целесообразно выделить в качестве единицы исследования в ареальном аспекте словообразовательный тип, а также словообразовательное поле, которое пока не имеет четкого терминологического определения. Одни исследователи отождествляют понятия "словообразовательный тип" и "словообразовательное поле", другие вкладывают в последнее более широкое содержание, различая также понятия "словообразовательное макро- и микрополе". Словообразовательное поле часто взаимосвязано, обуславливается семантическим полем, а чаще всего микрополем. Эта обусловленность может выявляться следующим образом: синонимический ряд суффиксальных элементов, свойственных одному словообразовательному полю, ограничивается рамками семантического микрополя. Nomina agentis с суффиксом **-ар**, например, убедительно подтверждают эту мысль. Как известно, всем славянским языкам известен большой синонимический ряд агентивных суффиксов, среди которых особо выделяется суффикс **-ар**. Являясь общеславянским, он по-разному функционирует в отдельных языках. Наиболее продуктивен он в чешском и словацком языках, в несколько меньшей степени - в польском языке. Значительной продуктивностью отличается он в южнославянских языках. Из восточно-славянских языков словообразовательный тип с суффиксом **-ар** продуктивен в украинском и белорусском языках и малопродуктивен в русском.

В украинском языке наблюдаются значительные отличия в распространении и степени продуктивности агентивных образований с **-ар** в литературном языке и в говорах. Если в юговосточных говорах, в частности, в говорах украинско-русского пограничья, **-ар** почти потерял свою продуктивность, то в югозападных говорах, и особенно в говорах карпатского ареала, выделяется территория большой продуктивности агентивных образований с **-ар**, что сопровождается следующими моментами: 1. словообразовательный тип с **-ар** является настолько активно действующей моделью, по которой образуются агентивные существительные, что под его влиянием изменяется словообразовательная структура общеукраинских названий: рибар см. рибак, стригар, стрикар вм. стригаль, дружбар вм. дружба, конохар вм. конох и др. Под влияние этой словообразовательной модели подпадают также иноязычные морфологически адаптирующиеся заимствования: бадогар 'жестянщик', ср. венг. badogos, трумбтар 'музыкант', ср. венг. trombitos, рум. trompetist. 2. В говорах исследуемого ареала очень развита система номинации действующего лица в связи с временным занятием, непрофессиональными навыками и т.п. Например, 'человек, изготовляющий изделия из дерева' в зависимости от вида готовой продукции называется: бочар/бочкар, бербеничар, корытар, ложкар, веретенар, ситар, решетар и др.

Кроме суффикса **-ар**, широко распространенного и продуктивного в говорах карпатского ареала, в агентивной функции употребляются и другие синонимичные суффиксы, в частности, **-ник** с производными **-альник**, **-ильник** (путник 'дорожный мастер', мурник 'каменщик', в'язальник, сокотильник), **-ач** (в'язач, помагач, сокотач), **-аш** (копаш, косаш, бубнаш) и др. Отбор из синонимического ряда семантически

однозначных суффиксов происходит в пределах семантического микрополя, вследствие чего семантическое и словообразовательное микрополя пересекаются. Так, например, в пределах семантического микрополя 'название человека, который пасет скот или ухаживает за ним', функционирует только один словообразовательный тип — 'отыменная основа + суффикс -ар': вівчар, янчар 'пастух ягнят', бараняр, ялохар 'пастух яловых овец', дополуднар, відполуднар, чередар, коровар, воловар, гусар, коњухар и др.

Аналогичные названия с идентичной словообразовательной структурой известны и в других славянских языках, например: слов. ovčiar, jařčiar, jaloviar, dobytkar, voliar, křaviar ..., чешск. ovčář, volář, dobytkař, kravař, husář, болг. овчар, шилегар, яловар, говедар, кравар, макед. овчар, кравар, воловар, говедар, с-хорв. skotar, křavar, vblar, konjar, svinar и др. Исследуя это явление в лингвогеографическом плане, можно предположить, что существует территориальная дифференциация однотипных словообразовательных структур в пределах семантических микрополей не только в одном языке, но и в группе контактирующих языков. Изоморфы словообразовательных формаций анализируемого типа, обозначающих 'лицо, пасущее скот или ухаживающее за ним', выявлены не только на украинской языковой территории. Они имеют продолжение в говорах других языков района Карпат и далее — Балкан и дают основание говорить об общем ареале функционирования указанного словообразовательного типа в пределах данного семантического микрополя.

В.В.Иванов, В.Н.Топоров

КАРПАТЫ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМАМИ РАССЕЛЕНИЯ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПЛЕМЕН

Карпаты, которые до нашего времени представляют собой ареал, где сохраняются различные взаимодействующие друг с другом языковые и этнокультурные традиции, во многих отношениях особенно архаичные, не могли не играть существенной роли и на ранних этапах расселения индоевропейских племен в Европе, если учитывать основные возможные направления их движения. Тем не менее, роль Карпат в этом отношении остается практически не выясненной.

Для периода, несомненно предшествовавшего знакомству индоевропейцев с Карпатами, по-видимому, восстанавливается (в значительной степени по археологическим данным) следующая картина. Не позже 2-й половины 3-го тысячелетия до н.э. из степей и горных районов западной и центральной Азии на пространства северного Причерноморья, Малой Азии и Балкан вторглись племена, которые в культурном отношении характеризовались развитой военной организацией во главе с вождями, использованием лошадей и боевых колесниц и соответствующим уровнем развития металлургии бронзы и других ремесел, а в лингвистическом —

принадлежностью к индоевропейской группе языков, которые к этому времени при сохранении прежней общности были уже сильно дифференцированы, о чем свидетельствуют данные, относящиеся к конкретным индоевропейским языкам в следующем тысячелетии. О духовной культуре этих племен можно составить представление по поэтическим формулам, восстанавливаемым по данным отдельных архаичных традиций и имеющим отношение к набору социальных и мифологических комплексов.

Один из таких комплексов в следующую за этой эпоху, когда отдельные индоевропейские племена достигли Карпат, мог соотноситься именно с этим районом. Речь идет о названии Карпат, отраженном у античных авторов, — в кельтской форме **Архунья (Арх)** Hercynia (silva), при германской — др.-в.-нем. Firgunnea (о Рудных горах, т.е. продолжении Карпат), ср.-в.-нем. Virgunt (о Судетах). Для тех индоевропейских диалектов, которые достаточно рано достигли Карпат, может быть восстановлена праформа типа *Perk^{un}-с последующими различными изменениями двух смычных согласных (при уподоблении — тип лат. quercus, ср. венецк. Quarquenі также **Κορχοντοί** и иллирийское название о-ва Корфу от той же основы: **Κόρχυρα, Κέρχυρα**). Значение этой праформы одновременно связывало ее с горой, поросшей дубовым лесом, и с Богом Громовержцем, культ которого соотносился с дубом и с горой. Интересно, что в Прикарпатской области еще в XIV н.э. (1302 г.) засвидетельствован образ "Перунова Дуба" на горе (Грамота галицкого князя Льва Даниловича, определяющая границы владений епископа Перемышльского). Возможно, что следы того же названия с характерными для него фонетическими преобразованиями следует искать и в названии Кракова, не имеющего сколько-нибудь надежной этимологии, и соответствующего эпонима Крак. Характерно, что в XII в. арабский географ Аль-Идриси называет Карпаты "горами К(а)г(а)кū", т.е. Краковскими горами. Вместе с тем в старых источниках упоминается о постройке легендарным Краком замка на горе Wawel (старое Wąwel) и об убийстве им дракона, жившего на горе и пожирившего людей и скот (ср.: Tunc habitasse draco fertur sub rupe Vaveli, XVI). Учитывая наличие в разных славянских (и других индоевропейских) традициях следов мифа о поражении Громовержцем своего противника, обозначаемого именем с корнем *Vel-, и этимологию Wąwel (где wą- приставка, а wel — корень), можно предположить, что здесь имелось в виду то же противопоставление между горой и низиной, что и в Киеве, где Перун соотносился с горой, а Велес — с Подолом (ср. wąwel, wawóz); ср. Копієс Krakusa по соседству.

Ср. в этой связи и более широкое противопоставление Карпаты-Волынь (как области, непосредственно примыкающей к Карпатам), самое название которой сопоставляется с корнем *Va-wel и через него с апеллятивами типа русск. водна, польск. wódna, waf, русск. вал (ср. Змиев вал в легенде о Кузнеце-змееборце, пропахавшем Вал по обе стороны Днепра, а также и греческую передачу названия одного из днепровских порогов **βουλνηπράχ** = vol-ынь и въл-пѣ прагъ). Если это так, то вся ранняя область расселения славян в древнейший период обнаруживает следы бинаризма, проявляющегося, в частности, в назывании более высокого и более низкого места (Карпаты-Волынь). Из этих рассуждений

можно заключить, что имя дракона могло содержать тоже корень wel-. Возможно, что и противопоставленный wel- корень Krak- также сохраняет ряд архаических значений, в частности, ритуальных (ср. название танца, формально соотнесенного с именем города, но по некоторым данным восходящего к общезападнославянским обрядам; ср. Krakowiak и как обозначение мальчика, участвующего в свадьбе, и т.п.). Названия куска искривленного дерева Krakula, Krakulica, karkulica соотносимы не только с указанным польским корнем, но и с названиями дуба в русских заговорах от змей (дуб карколист, дуб корьков, дуб Прокурон и т.д.). Помимо предлагавшихся объяснений таких названий, как дуб корьков, связанных с позднейшим польск. korek < н.-нем. Kork 'пробка' < исп. corcho, обращает на себя внимание сходство имен типа дуб карколист, с одной стороны, с лит. karklės, латыш. karkles, лит. karklas 'двняк', 'ракита' (ср. дуб Ракитан в тех же русских заговорах), латыш. karkls, с другой стороны, с прагерм. *karkus 'роща; идол, жрец', др.-англ. hearg 'идол', где на основании сравнения с панджаби karṣ реконструируется след древнего индоевропейского названия 'дуба' (ср. также прус. karige 'горный ясень', Korkun, Karke); в пользу наличия первоначального значения 'камень' у последней группы слов говорят ностратические параллели при регулярной связи значений 'камень' - 'дерево' ('дуб') у всей группы слов, образованных от *perk^u(u).

Многочисленные табуистические замены в названиях типа дуб Прокурон и в других указанных словах в разных славянских и прочих индоевропейских традициях дают некоторое основание видеть связь - если не этимологическую, то хотя бы анаграмматическую - между последовательностью фонем корня Perk^u- (и его производных типа др.-инд. parkaṣī, parvata-) и соответствующей последовательностью в позднейшем названии Карпат (Καρπάτης βρος), что, конечно, не исключает связи с алб. karpë 'скала', 'утес' и под.

Учитывая старое название Карпат, связанное с дубовым лесом и сохранившееся в ряде индоевропейских языков центральноевропейского ареала, можно предположить, что соответствующие племена были знакомы с Карпатами. Правдоподобно заключение, согласно которому это знакомство произошло на пути соответствующих "центральноевропейских" племен на запад, видимо, к югу от Карпат (ср. находки древних колесниц на территории теперешней Венгрии), причем диалекты этих племен во всяком случае фонологически и лексически были еще достаточно близки. В отличие от этих диалектов (кельтские, германские, венетский) ни славянские, ни балтийские, ни фракийские диалекты, не говоря уже о других, видимо, не знали названия Карпат в этой древнейшей форме. Из этого факта можно заключить, что племена, давшие впоследствии начало славянам, балтам, фракийцам и, возможно, иллирийцам, познакомились с Карпатами позже; они, видимо, составляли следующую волну индоевропейской экспансии на запад, которая достигла Карпат более северным путем и задержалась там на более длительный срок. В этой связи обращает на себя внимание соответствие между гидронимией правобережной Украины и фракийскими и иллирийскими названиями более позднего (античного) времени. Как и на Балканах, на правобережной Украине эти два элемента различались как более восточный и более западный, что

можно объяснить дальнейшим продвижением на юго-запад с сохранением той же последовательности. Существуют и исторические данные, свидетельствующие об относительно позднем уходе фракийцев и иллирийцев из района Карпат. Уже высказывалось мнение, что севернее Карпат нет следов фракийского и иллирийского элемента; с другой стороны, балтийский элемент не заходит к югу от Карпат (известным продолжением этой ситуации к востоку от Карпат является граница между территорией распространения балтийских следов в Белоруссии и несколько к югу от Припяти и более южными территориями, на которых сохраняются следы фракийской и иллирийской гидронимии). Но вместе с тем к ранее указывавшимся западноукраинско-фракийско-иллирийским гидронимическим соответствиям в ряде случаев можно добавить убедительные балтийские параллели (ср. Бутельский - Битоль - прусск. Buteliten; Горынь, Джурынь - Γεργουν - прусск. Garonithen; Лить - Leitha - лит. Leitė и под.). Само название Карпат, помимо алб. karpë, наиболее точное соответствие находит в балтийских данных, где есть не только этот корень, но и именные образования с той же огласовкой (лит. karpas, kãpra, kãprotas и под.); как и соответствующие гидронимы (Kãrpiis, Kãrpentis и под.). Эти факты тем более показательны, что в недавнее время указаны многочисленные примеры соответствий между ономастическими данными балтийских и древних балканских языков. Весь этот пояс от Балтики до Балкан оказывается пронизаемым и для ряда важных терминов, в основных своих значениях связанных с ландшафтом (ср. карпато-укр. вертец, его параллели в других славянских языках к югу и к северу от Карпат - при лит. verpetas 'водоворот', ср. болг. въртоп при лит. vėrpti 'прясть', ср. verpatis 'пряденье' при карпато-укр. вертоц 'приспособление для сматывания ниток', вертец 'приспособление, на котором снуют основу'). Любопытно, что отраженча мифа и ритуала, связываемого с Богом-Громовержцем и его поединком с противником, сохраняются в тех же двух ареалах - к северу и к югу от Карпат. При этом в обеих областях сохраняются как некоторые существенные атрибуты (конь), так и имя главного персонажа. Эти данные, связывающие балтийский ареал с балканским, существенны еще и потому, что позволяют уточнить хронологические и пространственные соотношения славянского этнического элемента с указанными, ему родственными. Пребывание славян на Карпатах и их позднейшее движение на юг могут считаться важным рубежом, отделившим их от балтов.

ОБ ИЗУЧЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАЙМСТВОВАНИЙ
 ИЗ РУМЫНСКОГО ЯЗЫКА В КАРПАТОУКРАИНСКИХ ГОВОРАХ
 (по материалам КДА)

1. Изучение румынского влияния на славянские языки карпатской зоны, начавшееся 100 лет назад (с момента появления работ Ф. Миклошича и Е. Калужняцкого), достигло значительных успехов. В настоящее время наука располагает большим количеством обстоятельных диалектологических (а также этнографических) описаний различных районов Карпат, опубликовано несколько региональных атласов, много работ по топонимике и т.д. Указанные работы дают богатый материал для установления удельного веса, характера и истории заимствований из румынского в отдельные славянские языки. В настоящее время особенно детально изучен вопрос о румыно-украинских связях.

2. Очевидно, что в дальнейшем изучение румынского влияния на украинские говоры будет идти, с одной стороны, по линии расширения существующего индекса румынских заимствований, поисков и фиксации в диалектах все новых румынизмов, под которыми следует понимать не только собственно романские элементы, но и элементы иного происхождения, проникшие в зону Карпат через румынское посредство. С другой стороны, исследователи румынского влияния на славянские языки должны стремиться дать лингвогеографическую интерпретацию румынских заимствований. Установление ареалов распространения тех или иных лексем дало бы надежный материал для решения важнейших вопросов о путях и времени проникновения румынизмов в славянские языки, позволило бы уточнить некоторые вопросы этимологии и т.д.

3. Указанный аспект изучения заимствований иллюстрируется на примере картографирования некоторых лексем. 1-я группа изоглосс (скапати, вакар, дэстра, кирпа, непiт, штубей) совпадает с границей буковинских говоров; 2-я группа изоглосс (боггар, подушеря, корнута, капейстра) охватывает гуцульские говоры; 3-я группа изоглосс (царок, струнга, ватаг, чула, кляг, урда, жентия), имеющих общее направление с юго-востока на северо-запад, проходят, в основном, южнее р. Днестр, а на юге и юго-западе никогда не охватывает всех закарпатских и бойковских говоров; 4-я группа изоглосс (шута, дзер, копил, колиба, ча!) идет значительно южнее р. Днестр, лишь на востоке пересекаясь с ним, и полностью охватывает южные районы территории КДА (закарпатские, гуцульские, буковинские говоры). Сведение всех изоглосс на одну карту позволяет установить зону наибольшего "насыщения" карпатоукраинских говоров заимствованиями из румынского. Этой зоной является правобережье р. Черный Черемош — верховья р. Серет.

4. Значительное число румынизмов имеет в карпатоукраинских говорах небольшое распространение — они встречаются всего лишь в нескольких населенных пунктах КДА (бач, мишка, фечор и др.). Но необходимо картографирование и таких лексем. Оно позволит установить более точно количественные соотношения слов румынского происхождения на отдельных участках обследованной территории.

О ПОЛЕССКО-КАРПАТСКОМ ТИПЕ РЕФЛЕКСАЦИИ $e, \bar{e} > a$

Полесско-карпатским типом рефлексации $e, \bar{e} > a$ условно называем такую рефлексацию, при которой a выступает на месте e, \bar{e} под ударением или в ударной и безударной позиции после твёрдых согласных. В этом типе различаются два варианта: полесско-волынский и украинский прикарпатский.

Полесско-волынский вариант характерен для говоров средненадбужанских (Г. Ф. Шило), островных тороканских в Брестско-Пинском Полесье (Ф. К.), некоторых западных и северных волыньско-полесских (материалы ДАУМ), некоторых белорусских севернобелостокских (Е. Ф. Карский). В этих диалектах последовательно выступает a на месте e, \bar{e} в ударной позиции после всех твёрдых согласных. Приводим примеры из тороканского говора д. Субботы Дрогичинского района Брестской области: ба́руг, ба́руст, ва́прук, ва́чур, чи́твар, ва́рус, мад, ма́літ', сма́рт', па́рші, да́р'во даві́т', да́сіт', даві́тіро, да́сітіро, о́ажа, за́лі́н', на за́мн'у, те́й са́мні на́бо, на́вуд, ла́тайі́т', а́ла, тра́ба, вра́мн'е, ца́бір, ча́р'во, ча́сані, віча́ра, піча́н'а, ві́н жа́ніца, га́то; жі́рба́ц, ва́рх, ва́рхн'і, ова́чка, ва́рбе, два́ре, крава́ц, напа́рсток, скопа́ц, чи́па́ц, сліпа́ц, купа́ц, па́кло, да́н', да́нішні, та́с'ц', та́шча, ста́літ', за́рн'а, са́рце, ко́са́ц, віна́ц, ко́на́ц, жа́на́ц, ца́рка, ча́с'ц', ча́рпайу, ча́рве, ша́пці́т', ша́рс'ц'.

Украинский прикарпатский вариант рефлексации $e, \bar{e} > a$ свойствен говорам надсанским (И. Верхратский, М. Пшепурская), некоторым буковинским и севернобессарабским (материалы ДАУМ). В этих диалектах на месте e, \bar{e} последовательно выступает a в ударной позиции и не под ударением после твёрдых шипящих и r , не всегда последовательно после других согласных.

Массивы и острова перечисленных диалектных групп образуют два ареала: 1) надьясельдско-надбужско-надсанский и 2) буковинско-бессарабский. Границы первого ареала: на севере - р. Ясельда и среднее течение р. Нарева; на юге - истоки р.р. Сана и Днестра; на западе - от Белостока, на Брест, восточнее Холма, западнее Перемышля; на востоке - западнее Пинска, Ковеля, Луцка, Львова. Буковинско-бессарабский ареал расположен в Черновицкой области и на северо-западе Молдавской ССР.

К говорам с последовательной рефлексацией $e, \bar{e} > a$ полесско-карпатского типа примыкают более широкие массивы диалектов, в которых a или \bar{a} на месте e, \bar{e} в ударном и безударном положении после твёрдых согласных выступают спорадически, непоследовательно или в ограниченных позициях. К ним относятся говоры северо-западные волыньско-полесские (Г. Ф. Шило), холмские (В. Шимановский), лемковские, закарпатские, зойковские (И. Панькевич, И. А. Дзендзелевский), покутские (Ф. Т. Жилко), южножитомирские (Л. А. Бова), юго-западные подольские (Г. М. Яцимирский), некоторые наднестровские, говор батюков (И. Верхратский), гуцульские (Й. Янув), говоры района Каменца-Брестского (Ф. К.), радостовские (Ф. К.), некоторые западносколиньские

(Ф.К). Общий ареал говоров с последовательной и непоследовательной рефлексацией $e, \underline{e} > \underline{a}$ полесско-карпатского типа определяется границами: на севере - р. Ясельда, среднее течение р. Нарев; на юге - украинско-венгерская и украинско-румынская языковая граница; на западе - украинско-польская языковая граница, Брест, Белосток; на востоке - низовья р. Горынь, Луцк, Львов, Ивано-Франковск, севернее Каменца-Подольского, Могилёв-Подольский. Отдельный ареал занимают говоры южной Житомирщины.

Случай отражения рассматриваемой особенности встречаются в "Повести временных лет" (два случая: чалядинъ, чалядью), более широко отражена она в галицко-волинских письменных памятниках XIV-XVII вв. (Г.Ф.Шило).

Аналогичная рефлексация $e, \underline{e} > \underline{a}$ свойственна говорам среднесловацким (\underline{a} выступает на месте $e, \underline{e}, \underline{e}$ в значительной части лексем в ударной и безударной позиции), сербохорватским и словенским (независимо от ударения $\underline{e}, \underline{e}$, изредка $\underline{e} > \underline{a}$), некоторым лужицким (в части лексем выступает \underline{a} на месте $e, \underline{e}, \underline{e}$), полабскому языку (гласные $\underline{a}, \underline{a}$ выступают последовательно на месте $\underline{e}, \underline{e}$, реже - на месте e, o).

Иной характер рефлексации $e, \underline{e} > \underline{a}$ в акающих белорусских и акающих великорусских говорах, в которых \underline{a} на месте e, \underline{e} выступает в безударном положении после мягких согласных.

Б.В.Кобылянский

МОЖНО ЛИ ГОВОРИТЬ О СВОЕОБРАЗНОМ БАЛКАНО-КАРПАТСКОМ СОЮЗЕ ЯЗЫКОВ?

Предварительно употребляем определение "своеобразный" (союз языков), потому, что, во-первых, кроме лексических элементов, мы не располагаем систематизированными данными о фонологической и грамматической общности диалектов, а, во-вторых, не во всех языках и диалектах балкано-карпатского мегаареала представлены соответствующие лексемы предполагаемого языкового союза. Для того, чтобы говорить о балкано-карпатском языковом союзе, нужно вскрыть и обосновать языковые связи, отличающиеся от частичного, случайно замещенного. В этом аспекте делаются лишь первые шаги. Значительное количество лексем, общих восточнокарпатским говорам украинского языка и говорам балканских (славянских и неславянских) языков, наводит на мысль о некоем этно-территориальном базисе, существовавшем в прошлом, на котором могло получить свое развитие данное явление.

Современных исследователей (балкано- и карпатоведов) уже не удовлетворяют сведения столетней давности в работах Ф.Миклошича и Е.Калужняцкого о передвижениях румынских пастухов в Карпатах как о единственном источнике балканизмов в Карпатах. Вот почему в

работах 30–40 гг. возрастает интерес к собственно историческим данным. Для обоснования балкано–карпатской лексической общности большую помощь может оказать изучение этно–исторической обстановки, именно: 1) данные истории первого болгарского государства (УП–начало XI в.), когда его территория простиралась от Родоп до верховьев р. Днестр и р. Тисы; 2) популяционные смещения на территории владений Ярослава Осмомысла; 3) миграции с юга на север после захвата Балканского полуострова турками в XIУ в.; 4) интенсивные контакты карпатских и южных славян с молдаво–румынским населением на территории владений молдавских господарей (XIУ–XУI вв.) и т.д.

В большинстве карпато–балканских языков и диалектов встречаются 1. славянские карпато–балканизмы: бердо, великдень, доста, полонина–панина; 2. романские карпато–балканизмы: бербеница, гуша, четура, коластра, коледа, капе(й)стра, корнута, кештар, кмет, мачуга, рипа и др.; 3. дако–албано–карпато–балканизмы: балега, ватра, букурие(-йка), струнк(г)а; 4. тюркские балкано–карпатизмы: огер, леген', чич(к)а; 5. греческие балкано–карпатизмы: бисаги, калугер, колиба, коливо, кут'а и др.

Р. В. Кравчук

ИЗ ПРОБЛЕМАТИКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КАРПАТ

Проблематика лингвистического изучения Карпат весьма разнообразна и многоаспектна. Мы сосредоточимся лишь на некоторых вопросах, связанных с изучением лексики.

1. Представляется важным дальнейшее изучение связи Карпат с другими ареалами, и в частности, с альпийским. Заслуживает внимания, например, проверка предположения о влиянии альпийской пастушеской терминологии на карпатскую. Ср. предположение (Махек) о наличии немецких альпийских элементов в "валашской" лексике. На связи Карпат с западными горными областями в названиях растений также указывалось исследователями (Хубшмид). Интересно, что такое спорное во всех отношениях праслав. **balvaľь*, повидимому, также связано (как название рельефа) с альпийской зоной (Маценауэр). Несомненно, что углубленные исследования в указанных аспектах в высшей степени желательны.

2. Карпатская зона характеризуется своими многочисленными инновациями разнообразного свойства. Некоторые из них датируются еще праславянской эпохой (ср. праслав. диал. **borđo* как название рельефа). Не менее интересны инновации более новых времен. Их изучение нередко дает ответ на вопрос, как формировалась карпатская лексика. Одновременно мы устанавливаем центры инноваций и, естественно, получаем определенное этимологическое решение. Так, распространенное в карпатской зоне *bahro*, *bahro* 'часть обода колеса.' (слвц., укр., польск.), плохо поддававшееся этимологизации, оказывается по происхождению слова–

кизмом (*bǝgorъ или *bǝgъ, рт *bǝg-, *bǝzati: в словацких говорах известны реликты перехода љ > а).

3. Славянские языки и диалекты карпатской зоны сохраняют немало лексических (семантических) архаизмов, собрание и изучение которых должно быть, на наш взгляд, более интенсивным, т. к. мы получаем очень ценный материал для праславянской этимологии. Так, карпат. укр. грань 'жар, угли' (имеющее соответствие в болгарских словах, обозначающих определенный цвет, и в чешских диалектных словах, обозначающих процесс тления), точно соотносящееся с ю.-слав. *graniti 'светить, сиять' [ср. серб. сунце грани], позволяет реконструировать праслав. *granjь 'жар, угли' и т. д. (не *gor-, как это раньше предполагалось при учете только южнославянских фактов), имеющее все признаки глубокого архаизма (может быть, еще даже дославянской эпохи). Карпат. укр. застолі 'заплаты на постолох' наводит на мысль, что праславянское название обуви *postolъ связано с глаголом *postylati, *posteliti (ср. также архаическую форму для 'постели' в лужицком: postol-). Ст.-чешск. dehet (рано утратившееся), обозначавшее определенную породу хвойных деревьев, ценно тем, что может указывать на исконность слова *degъ- 'деготь' в праславянском. Карпат. укр. бѡвда 'глыба' и т. п. (с многочисленными производными) явно свидетельствует об исходном *bald-. Может быть, мы, наконец, избавимся от навязчивой тюркской версии происхождения русск. балда, которая никак не объясняет разветвленную семантику слова и его производных (как и в случае с бланом!).

4. Заслуживает дальнейшей разработки традиционная область карпатского языкознания - изучение "валашской" лексики. Нам представляется, что совершенно недостаточно изучается (раньше этим занимались основательнее) отражение черт определенных румынских диалектов в карпатской лексике, обязанной своим происхождением заимствованию из румынского. Здесь можно обнаружить любопытные вещи, указывающие на определенные волны валашских миграций. Так, распределение названий ягоды afina, jafira по карпатской горной дуге хорошо отражает миграционные волны N- и R- диалектов (с ротацизмом), охватившее более или менее четко очерченные территории. Любопытна судьба части румынских заимствований в Карпатах. Речь идет, так сказать, о создании "своих" слов из румынского материала. Ср. карпат. укр. бредульць, брезульць 'Ledum palustre (< brădulet, *brăzuleț 'елочка'), берфелѡ 'деревянный крючок для подвешивания котла над огнем' (румынское слово обозначает другую реалию). Эти наблюдения важны для этимологии.

5. Наконец, следует сказать о необходимости углубленного изучения немецкого слоя в карпатской лексике. Вследствие значительной диалектной пестроты истоков этого слоя важно обращение к исследованиям по лексике немецких диалектов (ср., в частности, работы Шварца по силезским и судетским говорам), что нередко дает возможность более правильного установления исходных форм. Так, для карпат. укр. берелик 'небольшое сверло', чешск. perlik и т. д. источником, видимо, является ср.-нем. berlinc (см. судетский атлас Шварца); укр. лемк. армелик 'зяблик, дубонос' и т. п. (и далее, переносно, 'домашние животные пес. -рой масти'), несомненно, заимствование из нем. Emmerling. Однако более точным представляется выведение из силез. диал. Ammerling (отмеченного в силезском словаре Шварца).

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИССЛЕДОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В УКРАИНСКИХ ГОВОРАХ КАРПАТСКОГО АРЕАЛА

Лексические заимствования в украинских говорах карпатского ареала исследованы еще недостаточно. Находим всего несколько работ описательного характера, в которых в той или иной степени рассматриваются польские, словацкие, румынские, немецкие заимствования в украинском языке и его говорах. Лингвогеографическим способом исследуются южнославянизмы и мадьяризмы в украинских говорах территории Карпат. Однако, полностью отсутствуют работы, посвященные комплексному лингвогеографическому изучению лексических заимствований. Поэтому назрела необходимость создать "Атлас лексических заимствований и их соответствий в говорах карпатского ареала" (КАЛЗ). Издание подобной работы дало бы в руки исследователей очень ценный и нужный материал не только для истории контактирующих народов и их языков, но и для лучшего изучения материальной и духовной культуры населения Карпат.

Достоверность лингвистического атласа, как известно, зависит от трех основных условий: 1) от составления доброкачественной программы-вопросника; 2) от методики собирания и записи материала, а также 3) от выработки четких принципов картографирования.

Составление доброкачественной программы-вопросника определяет общую направленность и объем будущего атласа. В программу по тематическим группам должны включаться только такие вопросы, в ответах на которые предполагается наличие заимствованных слов. Программой предусмотрено собрать не только заимствованные слова, но и все лексические соответствия и их дублиеты. Программа-вопросник будет насчитывать около 3000 вопросов. Большинство из них даются в двух планах: от значения к слову и от слова к значению. Имеются также вопросы и иного типа. Эксплораторами должны быть люди, хорошо знающие исследуемые говоры, историю народов - носителей этих говоров, хорошо знакомые с теорией и методикой лингвистического картографирования, а также в какой-то мере владеющие языками карпатского ареала. Информаторами должны быть коренные жители исследуемых говоров, которые не находились долгое время вне своего разговорного окружения.

В "КАЛЗ" следует применить знаковый способ картографирования. Система знаков должна быть очень четкой, при этом фигурных знаков должно быть немного. Исходя из этого, в КАЛЗ целесообразно применить 7-и фигурную систему знаков на базе этимологического (генетического) принципа, например: 1) треугольник - для обозначения своих традиционных слов; 2) круг - для обозначения мадьяризмов; 3) квадрат - для обозначения словакизмов; 4) прямоугольник - для обозначения полонизмов; 5) ромб - для обозначения румынизмов; 6) параллелограмм - для обозначения германизмов и 7) трапеция - для обозначения всех иных заимствований.

Часть карт атласа может быть комбинированной, т. е. на одной и той же карте лексические явления изображаются с помощью фигур, фо-

нетические и морфологические – различными видами штриховок. Отсутствие картографируемой лексемы обозначается знаком минус (-) по номером населенного пункта. Для семантических карт применяются те же фигурные знаки, но с различной штриховкой. На каждой карте имеется легенда с наименованием на нескольких языках темы карты. Отдельно даются комментарии с рисунками реаллий.

И. Лобюк

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ГОВОРОВ ДОЛИНЫ р.МОЛДОВИЦЫ К СЕВЕРНЫМ ГУЦУЛЬСКИМ ГОВОРАМ, КАРТОГРАФИРУЕМЫМ В КДА

1. Цель сообщения – дополнить материал КДА данными гуцульских говоров долины р.Молдовица (р-н Сучава, СРР), а именно сел: Палтин, Чумырна, Молдовица, Демакуша, Путна-Секериеш, Рашка, Арджел. По происхождению население этого края – в основном переселенцы из области Покутье и Восточной Галиции. Развиваясь на протяжении более чем полутора веков, говоры долины р.Молдовица (далее – М.) сохранили общеукраинскую основу своей лексики, а также общность с юго-западноукраинским диалектным массивом. Они могут считаться наиболее архаичными говорами гуцульского типа. В лексике весьма значителен пласт иноязычных заимствований. Материал для сообщения собирался в 1970–1971 гг.

2. Наш материал имеет соответствия с 200 картами КДА. Можно отметить лексемы (их 134), изоглоссы которых продолжают и в М.; 121 лексема представляет полное или частичное семантическое тождество. Наибольший интерес имеют следующие схождения (на первом месте номер карты КДА, на втором – материал М.): № 3 – топоним Магура, № 9 – кл'очка 'наседка', № 16 – подуш'ир', подуш'ир'а, № 25 – слимбуш, № 29 – буба 'больно', 'больное место, рана', № 33 – бзына 'бузина', № 40 – кран'а 'большая ветка дерева', № 50 – покмитити, при-, № 52 – ч'і лїдн'ик 'подмастерье', № 59 – токмиті(сы), № 65 – копил'і, копил'ук, № 82 – порёкло 'фамилия', № 109 – холошн'а 'половина штанов, штанина', № 110 – гуш'а и гушатій, № 141 – копанка 'копаная дорога', № 144 – маржина, худоба, товар, № 145 – ббуар', вакар', № 151 – ча!, чала!, № 157 – бриц, бритва, № 161 – бразда, № 162 – польг, № 167 – шул'ок, № 173 – кыш 'короб в мельнице', 'кузов воза', № 186 – выдбїт'сы 'случиться (о конях)', № 199 – го-рілец, наўзнач', № 202 – шо пыт ніхтем, чорно (чёрне).

3. 12 лексем в М. имеют иную, чем это фиксируется в КДА, семантику: № 2 – підина 'деревянный помост под стогом', № 11 – диган'і йе то же, что рум. *dihanie*, № 47 – глотá только 'много детей в семье', № 60 – трéба и 'дело, сделка', № 75 – образ только 'икона', № 131 – пыд только 'чердак' и некоторые другие.

4. Большой интерес представляют и лексемы, отмеченные в М. и незафиксированные в КДА в говорах гуцульского типа, что объединяет

М. с говорами закарпатскими, буковинскими, бойковскими, иногда надднестрянскими: № 13 – миц'ка, мыпуч'ка, № 24 – скойка (в значении 'нарост, опухоль на ногах коня'), № 117 – виш'ун 'предсказатель', виш'увати 'предчувствовать', № 158 – козеу, № 196 – уталожити сь 'устроиться', № 203 – удіца 'удочка', № 208 – ковач 'кузнец', ковація 'кузняца'.

5. Лексика говоров М. дает дополнительный, во многом новый материал для целей изучения лингвистической ситуации в карпатской зоне, для изучения языковых контактов и языковой интерференции. В то же время можно указать на существование в М. некоторых общевосточнославянских архаизмов, а также некоторых лексем, типичных юговосточнославянских архаизмов, а также некоторых лексем, типичных для юговосточноукраинских говоров.

В.В.Манивчук

ЛЕКСИКА ЛЕСНЫХ ПРОМЫСЛОВ КАРПАТ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

1. В плане межъязыковых контактов важной лексической группой является терминология лесных промыслов карпатских говоров. В Карпатах, как известно, лесоразработки издавна играли важную экономическую роль. Здесь постоянно находило себе работу разноязычное население из многих областей. Вследствие производственных контактов в этой отрасли, а также непосредственного контактирования языков в карпатском ареале в лексику лесных промыслов украинских говоров Карпат проникло значительное количество заимствований из соседних языков. Среди этих заимствований выделяются: а) полонизмы: жлѳпи 'лотки для спуска леса с гор' <польск. żłób 'желоб, лоток', лифрунок 'спуск дерева с гор' <польск. lifronek 'то же' <нем. Lieferung 'то же', флисник 'плотгон' <польск. flisnik 'то же' <нем. Flösser 'то же', цїха 'клеймо для маркировки дерева' <польск. secha 'метка, знак' <нем. Zeichen 'то же' и др.; б) словакизмы: вїврат 'вывернувшееся дерево' <слвц. vuvrat 'то же', клат 'бревно, полено' <слвц. klat 'бревно'; остро 'острие топора, пилы и т.п.' <слвц. ostrie, стром 'ствол дерева с приломленной вершиной' <слвц. strom 1. 'ствол дерева', 2. 'хвойное дерево' и др.; в) мадьяризмы: бокор 1. 'плот', 2. 'плот, состоящий из двух или нескольких секций' <венг. bokor 'связка', вагаш 1. 'рубка леса', 2. 'лесоразработка' <венг. vágás 'то же', дараба 1. 'плот', 2. 'секция плота' <венг. darab 'кусок, часть, штука', ракаш 'место, куда спускают дерево с гор' <венг. gokás 'куча' и др.; г) румынизмы: баланча 'подкладка' <рум. balanța 'балка'; бутук 1. 'бревно', 2. 'короткое толстое бревно' <рум. butuc 'бревно', пражина 'жердь, которой поддевают бревна при погрузке' <рум. prăjină 'жердь, палка', гачуга 1. 'дерево', 2. 'бревно' <рум. haciuga 'еловый лес' и др.

2. Межъязыковые контакты в лексике лесных промыслов Карпат наблюдаются не только в чистых заимствованиях, но и в словообразовании. Многие слова соседних языков стали основой для возникновения ряда новых лексем, например: друмър 'рабочий, ремонтирующий дороги на лесоразработках' (рум. drum 'путь, дорога'), ракаш'ен 'рабочий, подготавливающий дерево для транспортировки' (венг. gokás 'куча'). Очень продуктивным оказался суффикс венгерского происхождения -(а)ш. С его помощью возник ряд новых лексем, например: пилэш 'пильщик', бутиэш 'лесоруб', пуг'эш 'возчик', бокораэш 'сплавщик' и др.

3. Контакты не были односторонними. В свою очередь, в соседние языки вошла определенная часть лексики лесных промыслов из украинского языка. Например, в венгерский язык вошли такие слова, как butin, buting 1. 'рубка леса', 2. 'лесоразработка' < укр. бўтин, бўтен 'то же'; koloda 'бревно' < укр. колода 1. 'бревно', 2. 'гнилое бревно'; котмануос 'кормчий, рулевой' < укр. керманич 'кормчий, рулевой, плотгон'. В румынский язык были заимствованы такие украинские слова, как hotoanșă 'плотина' < укр. гамованка 'лесосплавная плотина для уменьшения скорости движения плотов', săgta 'весло плота' < укр. кёрма, кёрма 'то же'; pihã 'бревно, служащее подкладкой', 2. 'жердь, которой поднимают или перемещают бревна' < укр. пiл'га 'то же'; orașina 'весло плота' < укр. опáчина, опáчина 'то же' и др.

4. Было бы очень важно исследовать лексику лесных промыслов во всех языках и диалектах карпатского ареала, потому что уже на основании предварительных данных отмечено ее сходство, ср., например, укр. цап'їн(а), сап'їн(а) 'орудие для перемещения бревен', рум. șarină, șarip 'то же', с.-хорв. šarip 'то же', словен. sarip 'то же' < ит. zarpone 'сапка, мотыга'; укр. різнi 'лотки для спуска дерева с гор', слов. rižn 'а 'то же' < нем. Riese 'то же'; укр. бўтин, бўтен, бўтинок 1. 'рубка леса', 2. 'лесоразработка', венг. butin buting 'то же', польск. butynek 'грабёж, разбой' < ср.-в.-нем. biutunge 'деление добычи' и др.

Л.В. Маркова

К ВОПРОСУ О РОЛИ СМЕШАННЫХ БРАКОВ В ПРОЦЕССЕ АССИМИЛЯЦИИ НАЦМЕНЬШИНСТВА (БОЛГАРЫ ЗАКАРПАТЬЯ)

1. Закарпатскую группу болгар образовали огородники-отходники, часть которых со временем обосновалась в местах своего промысла на постоянное жительство (главным образом после Первой мировой войны вследствие обострения сельскохозяйственного кризиса в Болгарии). Некоторое их количество после 1944 г. возвратилось на родину в связи с изменившейся там обстановкой. По данным 1970 г. в Закарпатской области проживает 162 чел. болгар, основная их группа сосредоточена в районе г. Мукачево. Настоящее сообщение построено на материалах, собранных, главным образом, среди представителей этой группы.

2. Занимая небольшое место в пестрой мозаике народностей, населяющих Закарпатье, болгары сыграли, однако, значительную роль в раз-

витии здесь огородничества, а также в колхозном движении, явившись его зачинателями. Таким образом, в производственной и в общественной сфере это достаточно активная часть населения Закарпатья.

3. Известна длительная устойчивость языковой и культурно-бытовой традиции у болгар, живущих за пределами метрополии, которая наблюдается не только в крупных компактных массах, но и в группах, образующих небольшие "острова" в инонациональном окружении. Быстрый процесс ассимиляции болгар в Закарпатье без какого-либо давления извне наблюдаемый уже в первом поколении, представляет собой известное исключение. Это объясняется, с нашей точки зрения, рядом специфических причин.

4. Профессиональный, половой и возрастной состав первых переселенцев (отходное огородничество в Болгарии являлось мужским занятием и в артель вступали в раннем юношеском возрасте, т. е. холостыми) в значительной мере определил смешанный состав их семей в будущем. Второе поколение (нынешние трудоспособные возраста) в основной своей массе — смешанного происхождения, причисляющие себя к болгарам по национальной принадлежности отцов (матери — местные женщины). Мужская линия определяет национальную принадлежность и в третьем поколении (в настоящее время это, как правило, несовершеннолетние).

5. Наблюдаемое в ряде других болгарских групп, живущих вне метрополии, стремление воздерживаться от браков с инородцами, в Закарпатье с самого начала не проявлялось; равным образом не отмечалось и предпочтения по отношению к какой-либо национальности.

6. По имеющимся данным, более половины болгар (старшее поколение и часть среднего) признают родным языком болгарский. Другие считают таковым русский или украинский, изредка — венгерский. Понимание болгарского языка и частичное им владение — всеобщее. Треть болгар свободно владеет языком (русским или украинским), значительная часть, по нашим наблюдениям, может объясняться на нескольких. Двуязычие в семье — обычное явление.

7. В материальной культуре существенных отличий от окружающего населения уже не имеется, за исключением некоторых особенностей кулинарии, поддерживаемых в редких чисто болгарских семьях и от них (вторично) распространяющихся в смешанные.

8. Уже в первом поколении был воспринят праздничный календарный цикл местного населения (преимущественно украинцев). До Второй мировой войны фрагментарно сохранялась обрядность лишь двух традиционных праздников. В семейном цикле болгарская традиция прослеживается в еще более слабой степени (наследственное кумовство — обычай, в котором активно проявляет себя мужчина).

9. Черты болгарского национального характера ярко проявляются в производственной жизни и отмечаются окружающим населением как специфические особенности болгар.

10. Приведенный материал показывает, что поддержание национальных традиций зависит от активного к ним отношения. В разных сферах жизни оно неодинаково у мужчин и у женщин. Очевидна ведущая роль женщины в сохранении традиций, определяющих национальную специфику быта. Отсюда ясно значение смешанных браков, оказывающих существенное влияние на интенсивность взаимовлияния культур и, в частности, на ассимиляционные процессы.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ КАРПАТИЗМОВ В БОЛГАРСКИХ ГОВОРАХ

Интенсивные исследования болгарской диалектной лексики в течение последних 10-15 лет позволяют уже подходить значительно более конкретно к вопросу о лексических связях болгарского языка с другими славянскими языковыми областями, в том числе и с карпатской областью. В лексическом отношении болгарская языковая территория не является единой, а ряд исследований методами лингвистической географии, несомненно, свидетельствует о том, что существуют стабильные и хорошо очерченные лексические зоны.

В докладе анализируется географическое распространение и значения ряда карпатизмов (слова из болгарских говоров, которые имеют соответствия в украинских карпатских говорах). Преобладающая часть их — существительные имена, в меньшей степени — прилагательные и глаголы.

а) Существительные: бразда (и бразна), брич, бучка, жир, ягода ярем, дия, клювач, кладня, лук (и чесън лук), лиляк, оглавник, слова с корнем сой-, плъх, скакалец, тъкмеж и др.

б) Прилагательные: жежък.

в) Наречия: чисто.

г) Глаголы: любя, псувам, терам, щцам (и сисам) и др.

Указанные здесь карпатизмы (их список может быть продолжен), сосредоточены, главным образом, в двух ареалах. В одном из них, западном, лучше очерченном, встречается большинство указанных лексических единиц, а также и ряд других, таких как мачка, седело, глист, приведеник (приведеница), полазник, полог, ткаля и др., география которых в настоящее время еще не определена точно. Другой ареал — восточный, в котором встречается меньшее количество указанных выше карпатизмов.

Особый интерес представляет и распространение некоторых карпатизмов исключительно в южноболгарских (рупских) говорах. Здесь встречается глагол любя, существительное лук.

Определение лексических зон, в которых концентрируется большинство болгарских лексических карпатизмов, — это только первый шаг в исследовании проблемы связи болгарских диалектов с карпатским языковым ареалом. Предстоит установить более полный инвентарь карпатизмов и их более точную локализацию с помощью методов лингвистической географии. В дальнейшем должны быть предприняты исследования, направленные на установление хронологии карпатизмов в болгарских диалектах.

ВОПРОСЫ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ КАРПАТСКОГО АРЕАЛА В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ

В докладе дается обзор советских работ по вопросу языковой интерференции на Карпатах, который является продолжением библиографии по украинским говорам карпатского ареала ("Карпатская диалектология и ономастика" М., 1972 - далее КДО) и охватывает работы последних лет (1970-1972). За последние годы изучение материальной и духовной культуры народов, населяющих Карпаты, их языков и диалектов стало весьма интенсивным. Только в 1972 г. вышли в свет: этнографический "Карпатский сборник", библиография по этнографии, фольклору и народному искусству Я.П. Прилипко, сборник тезисов "Культура та побут населення Українських Карпат" (далее - Тезисы), "Карпатская диалектология и ономастика" (подготовленный Институтом славяноведения и балканистики АН СССР).

В комплексном изучении Карпат активное участие принимают лингвисты. В советском языкознании появился новый раздел - карпатское языкознание, связанное прежде всего с именами В.М. Иллич-Свитыча и С.Б. Бернштейна. В ряде статей С.Б. Бернштейн сформулировал основные задачи и принципы исследования этой области науки (см., например, "Проблемы карпатского языкознания" - КДО, "Проблемы интерференции языков карпато-дунайского ареала" - Тезисы). Он показал, что общие черты юго-западных украинских говоров, говоров Малой Польши, словацких, румынских, венгерских говоров возникли в результате длительного процесса этнической интерференции; он предложил разграничивать карпатизмы, формировавшиеся в начальные периоды истории современных языков и диалектов карпатской зоны, и балканизмы, появившиеся в результате миграционных процессов в средние века. Особенности многосторонних контактов языков и диалектов карпатского ареала и вопросы ареальной структурной типологии рассматривает ужгородский лингвист А.М. Рот. Отражение в антропонимии Карпат межэтнических связей народов этой зоны, миграционных процессов освещает П.П. Чучка (см. Тезисы; "Праці ХП респ. діал. наради" - далее Праці ХП).

Карпатская языковая проблема решается главным образом на лексическом и семантическом материале. Карпатоукраинско-южнославянские лексические параллели рассматриваются в цикле статей Г.П. Клепиковой об оронимической ("Вопросы географии", № 81; КДО) и пастушеской терминологии (Тезисы; Праці ХП), в которых решаются некоторые генетические вопросы, определяются условия функционирования соответствующих терминов. В статье Н.И. Толстого "Из географии славянских слов. 6. сажа - чад; 7. Пот-эной" (КДО) устанавливаются лексемно-семантические изоглоссы, объединяющие южнославянские и карпатские ареалы. Следует упомянуть статьи Б.В. Кобылянского "Лексичні паралелізмів в говорах української і південнослов'янських мов" (Праці ХП) и "З карпатської ономастики" (про назви Крента, Магура) (Тезисы),

статью Ю. Пипаша "Лексико-семантическое богатство карпатских географических назв бердо, вер'х, гора, грун', діл (Тезисы), а также статью М. О. Онышкевича "Бойковсько-південнослов'янські мовні паралелі (Праці ХР).

О карпатско-южнославянско-полюско (= и шире - восточнославянских параллелях говорится в статьях Н. И. Толстого "К проблеме изучения славянских географических терминов" ("Вопросы географии" № 81), "Rutheno-serbica" ("Беларускае і славянскае мовазнаўства", Мінск, 1972), Р. В. Кравчука "Нататки па палескай лексіцы (там же), М. М. Онышкевича "Лексико-семантическая дифференциация слов, обозначающих погоду, в некоторых украинских говорах карпатского ареала (КДО), Н. С. Никончука "О народной орнитологической терминологии Полесья и Карпат" (КДО).

Ряд работ, принадлежащих главным образом ужгородским лингвистам, освещает контакты украинцев Закарпатья с венграми. Это сборник "Слов'янсько-угорські міжмовні та літературні зв'язки" (Ужгород, 1970), где напечатаны статьи П. Н. Лизанца и И. В. Зиканя; книга П. Н. Лизанца "Magyar-ukrán nyelvi kapcsolatok" (Ужгород, 1970) и ряд его статей (в "Вопросах финно-угроведения", "Праці ХІІІ респ. діал. наради" и др.). В книге П. Н. Лизанца рассматриваются контакты венгерских говоров с украинскими говорами Закарпатья на лексическом уровне. Основную ценность ее составляет атлас лексических мадьяризмов и их украинских соответствий, содержащий 180 карт; кроме того, автор предлагает классификацию лексических мадьяризмов, описывает пути их проникновения в горы и т. д.

Частным вопросом венгеро-славянских контактов посвящены статьи Ш. Фодо "Некоторые данные о славянских заимствованиях в двух венгерских говорах Закарпатья" (КДО) и А. А. Моканя "Замечания к этимологии восточнославянского и закарпатского карига 'ворота'" (Сов. финно-угроведение, 1970, № 6).

Восточнороманско-славянские языковые связи рассматриваются в статьях М. А. Грицака "Українсько-румунські взаємозв'язки в ботаничній номенклатурі говорів району Карпат" (Тезисы), Р. Я. Удлера "Архаизмы и новообразования, обусловленные аллогенной языковой средой, в говоре носителей восточнороманской речи Закарпатской области" (Тезисы), В. К. Павела "Влияние украинских говоров на развитие молдавской земледельческой терминологии" (Праці ХШ). О румынском и немецком влиянии на карпатскую лексику пишет в своих этимологических этюдах Р. В. Кравчук ("Из карпатской лексики. 1-3" - КДО).

Очевидна необходимость составления полной лингвистической библиографии по карпатскому языкознанию, которая охватывала бы работы как советских, так и словацких, польских, венгерских, румынских исследователей. Такая библиография могла бы быть сделана совместными усилиями ученых соответствующих стран.

О КАРПАТО-ПОЛЕССКИХ ФОНЕТИЧЕСКИХ И ФОНЕТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ

1. Проблема карпатских языковых отношений наиболее убедительно ставится на лексическом материале, и в этом плане соответствия в карпатских и полесских говорах, как наиболее архаичных и (если иметь в виду западное Полесье) – маргинальных для восточнославянского массива, внесли, как известно, ценные коррективы в список карпато-южнославянских параллелей. Роль фонетических и фонетико-морфологических карпато-полесских схождений в решении карпатской проблемы, в общем, идентична, хотя установление самих соответствий представляется более сложным. На этих уровнях, может быть, шире, чем в некоторых других областях, сопоставление диалектов опирается в равной мере на материальное выражение диалектных элементов и на типы структурных генетических связей между ними, включая и ареальные связи. Учитывая, что тождества в обоих этих планах могут быть различного происхождения, следует, по-видимому, с точки зрения карпатской проблематики, дифференцировать карпато-полесские фонетические и фонетико-морфологические совпадения, выделяя среди них пласт строгих генетических тождеств – органических восточнославянских (украинских) элементов, исключаемых тем самым из сферы собственно карпатской (в широком смысле) и отобранных с учетом возможности спонтанного тождественного развития каждого из сопоставляемых диалектов, специфики интерференции в различных ареалах, и на разных уровнях, возникновения “ложных” (негенетических) тождеств и т.д. В качестве одного из критериев генетической общности и органичности развития с точки зрения общих закономерностей развития украинских говоров (в области материальной реализации либо в системе отношений) можно было бы предложить учет типологии ареалов – тождество либо различие ареальной ситуации в конкретных сопоставляемых районах, показателем которой является распределение изоглосс. Здесь приведем некоторые примеры такого подхода к карпато-полесским соответствиям, имея в виду говоры карпатской зоны в пределах КДА и полесский ареал в УССР и БССР и основываясь на материале Атласа украинского языка (АУМ), атласа белорусского языка (ДАБМ) и личных наблюдений.

2. Некоторые сведения о месте карпато-полесских параллелей среди ареальных противопоставлений украинской диалектной территории дает АУМ, т. 11, охватывающий и карпатскую и часть полесской зоны (западное и некоторые районы центрального Полесья), среди 129 фонетических карт 28 карт фиксируют карпато-полесские параллели (соответственно 17 и 9 карт в 73 картах явлений вокализма и 56-консонантизма), среди 87 морфологических карт (словоизменение) параллели фиксируются в 14 картах.

Некоторые карты, фиксирующие карпато-полесские параллели, объединяются общей проблемой, преимущественно фонетической. В данном случае ограничиваемся одной из них.

3. Наиболее распространенные представления о карпато-полесской фонетической общности связаны с известным фактом отсутствия икавизма в рефлексации *o, *e в вновь открытых слогах СоС^(,), СеС, что в свое время при слабой изученности говоров, делало возможным даже попытки объединить карпатские и полесские украинские ареалы в одну группу (Соболевский, Зелинский). Более тщательное изучение полесских говоров выявило, прежде всего, строгие позиционные различия в полесской и карпатской рефлексации *o, *e, соответствующие общим принципам развития и современной организации полесского и южноукраинского типов вокализма: акцентологическая обусловленность рефлексов ряда гласных неверхнего подъема в полесском ареале и отсутствие этой обусловленности в южных говорах. Это основное типологическое различие прослеживается на фонетическом (и фонемном) уровне, в том числе иногда и в функционировании консонантных различий, а также в ряде случаев - в области словоизменения. Оно непременно должно учитываться при любых карпато-полесских фонетических и фонетико-морфологических сопоставлениях. В рамках этого различия для ударного вокализма при более распространенных специфически полесских дифтонгических рефлексах выделяется ряд непосредственных материальных совпадений с карпатскими монофтонгическими рефлексами *o, *e : [y] [y] . [и¹] преимущественно в западном украинском и белорусском Полесье, [y] - реже в восточном украинском Полесье: кун', кун', ки¹н', 'конь', н'ус, н'ус 'нес' (прош.вр. от 'нести'). Ареалы этих монофтонгов образуют типологически подобные комплексы: с одной стороны, Закарпатье с его рефлексами [ы], [у], [ÿ] и гуцульский ареал [и¹], соседствующие с ареалом [и¹], с другой стороны, - западное Полесье (север Волынской и юго-запад Брестской областей с прилегающей полосой Ровенской области), где соприкасаются ареалы [у], [ÿ], [и¹], [и¹], [i] . В безударной позиции материальные совпадения имеются лишь в говорах западного украинского и белорусского Полесья, которые, в отличие от остальной полесской территории и в рамках полесской противопоставленности ударных и безударных рефлексов СоС^(,), СеС развили в безударной позиции монофтонг [y] (у кун'¹цї, спуд'¹ниця, 'вечур', 'ластуўка). Установление этого факта расширило сферу и материальных тождеств с закарпатскими - ужанскими и мараморощскими говорами, однако ареальные ситуации в обоих сопоставляемых районах различны: в карпатских говорах распределение ареалов безударных рефлексов совпадает с ударными, в полесских же ареал безударного [y] соседствует с общеполесским ареалом безударного [o] . Поэтому, подтверждая генетическую общность рефлексов СоС^(,), СеС в целом, следует дифференцировать ударные и безударные позиции, оговаривая безударные как отражающие, помимо того, специфические особенности развития полесских говоров и, в частности, - противопоставленность в этом отношении говоров западного Полесья говорам остальной полесской территории.

4. Различная соотносимость ударных и безударных позиций при сравнении карпатского и полесского ареалов проявляется и в оформлении ряда именных флексий. Для ударных флексий с рефлексами СоС^(,), СеС наблюдается большее соответствие в фонетически закономерном оформ-

лении, например, в Gpl существительных муж. рода, восходящих к -о-, -і- основам (сто¹лу¹ў, -ўў, -іў ...), в DLsg прилагательных жен. рода (мо¹ло¹ду, -ўі, -іі ...), соответствующие безударные флексии, отражают те же особенности, что и корневые рефлексы безударных CoC', CeC, осложненные аналогическими выравниваниями в ряде полесских говоров. В формах DLpl существительных муж. рода, восходящих к -о-, -јо-, -і- основам, различная рефлексия исконных флексийных [о], [е], оказавшая в ряде случаев влияние и на [о] (<ъ), [е] (<ь), воспринимавала индукции форм -а-, -ја- основ также в зависимости от ударения: для центрального белорусского Полесья (по материалам ДАБМ) распространение флексий -а-, -ја- основ ограничилось безударными позициями (во¹лу¹ом, во¹лу¹ох, кро¹л¹у¹ом, кро¹л¹у¹ох - го¹рода¹м, го¹рода¹х, 'з'ат¹'ам, 'з'ат¹'ах); в низовьях Припяти и в соседних черниговских говорах, наоборот, сохранились не подвергнувшиеся влиянию -ја- основ лишь безударные формы, восходящие к -јо-, -і- основам ('кон^(,)'ем, 'з'ат^(,)'ем, 'гост^(,)'ем - 'кон^(,)'ех, 'з'ат^(,)'ех, 'гост^(,)'ех). Те же формы, но фонетически видоизмененные в соответствии с западно-полесскими закономерностями рефлексии безударного *е в позиции CeC и в связи с аналогическим взаимодействием форм Dpl и Lpl, сохраняются и в западном Полесье ('кон^(,)'ом, 'кон^(,)'ум, 'гост^(,)'ум - 'кон^(,)'ох, 'гост^(,)'ох). Карпатские говоры включаются в массив тех юго-западных диалектов, которые сохраняют исконные формы DLpl -о- основ (наименьший ареал, -јо- и -і- основ без акцентологических ограничений. При общей типологической параллели во взаимоотношениях -а-, -ја-, и -о-, -јо-, -і- основ, варьируемой в зависимости от ударности-безударности в различных полесских говорах и охватывающей и некоторые замкнутые восточные украинские ареалы, непосредственные материальные совпадения в данном случае связывают карпатские говоры более всего с западным Полесьем, что имеет уже известную нам фонетическую подоснову. Локализованные в западнopolтавских украинских говорах формы DLpl существительных муж. рода -јо-, -і- основ на -ім-, -іх ('кон^(,)'ім, 'кон^(,)'іх) представляет собой по-видимому, пример "ложного" тождества с карпатскими фонетически закономерными формами на -ім-, -іх (<омъ, <ахъ) существительных -о- (-й) основ. Восточноукраинские флексии -ім-, -іх, по нашему мнению, являясь свидетельством ассимиляции говорами с икавизмом западноукраинских форм на -ом-, -ох, занесенных сюда миграцией населения, и представляет собой результат нефонетического замещения [о] > [і] по аналогии к позициям с закономерным [і] из *о.

5. Оставаясь в пределах явлений, связанных с рефлексией *о, *е, можно привести пример и другого "ложного" тождества в карпатских и полесских диалектных вариантах числительного восемь (*осмь), в гласном li слога. При известной украинским говорам аналогии с [i] м (*седмь) → 'v'ic' [i] м, способствовавшей возникновению [i] из вставного [e], в полесских говорах сохраняются некоторые промежуточные формы: в центральном и восточном Полесье - 'вуос'ім, 'вуос'ем (с вариациями гласного li слога, закономерно восходящими к *о в закрытом слоге), в западном Полесье - 'ви'с'ом, 'v'ic'ом, 'v'ic'ум (последняя форма зафиксирована преимущественно в говорах западных районов Брестской области и северо-западной окраины Вольнской обл.). Для западного Полесья

лабиализация вставного [e] и [e] беглого (из *ь) закономерна, ср. 'бус'ол, 'аист' (в других полесских говорах 'бусел и др., форма р. бус'-ли), 'в'іт'ор 'ветер', 'Дмит'ор, 'сверд'ол, 'п'іс'ом (Grp), 'рад'он (Grp), 'вин'он, сво'бод'он и под.; в этом плане вариант 'в'іс'ом объясняется сохранением фонетически измененного вставного гласного, не подвергшегося аналогии к с'ім. Что же касается говоров, различающих 'в'іт[о]р 'п'іс' [о]м - 'в'іс' [у]м при закономерной для этого ареала рефлексации *е > [y] в безударной позиции СеС, то здесь, предположительно, аналогия к с'ім действовала позднее, после отвердения конечных губных согласных, когда по модели соотношения типа н'іс (прош. время от'нес-ти) - несу - 'вин'ус или веч'ірн'ій - веч'іре - 'веч' [у]р оформилось соотношение с'ім - семи (Gsg) - 'в'іс' [у]м, ложно ассоциирующее гласный Іі слога 'в'іс' [у]м с фонетическим рефлексом безударного *е в позиции СеС. Наличие в закарпатских боржавских говорах варианта в'ус'-ум при закономерном *е > [y] в позиции СеС на первый взгляд можно было бы рассматривать как свидетельство аналогичного локального процесса, однако непротивопоставленность ударных и безударных слогов, а также иная ареальная ситуация (соседство с ареалами вариантов 'в'ус'-ем, 'в'ус'ам, 'вус'ам, 'в'ус'ім и т.д. и отсутствие вариантов типа 'вус' [у]м в говорах с *е > [y]) не подтверждает этого и оставляет в силе предположение о возникновении карпатского 'в'ус' [y]м в результате ассимиляции к [y] в 1 слове (И.А.Дзендзелевский, 1955).

6. Рассмотренные соответствия в пределах одной проблемы, как кажется, подводят к предварительному выводу (нуждающемуся в проверке на ином материале) о существовании прямой зависимости между степенью регулярности сопоставляемых фонетических карпато-полесских фактов (количеством и типом ограничений в их функционировании) и степенью "безусловности" их генетического тождества. Тем самым наибольший интерес для собственно карпатской проблематики приобретают изолированные, позиционно или лексически ограниченные явления.

Н.В. Никончук

О НЕКОТОРЫХ КАРПАТО-ПОЛЕССКИХ ИЗОГЛОССАХ В ТЕРМИНОЛОГИИ ТКАЧЕСТВА.

Терминология ткачества в полесских говорах украинского и белорусского языков и в карпатских (иногда шире - юго-западных) говорах украинского языка имеет очень много общих лексических и семантических черт. Оставляя в стороне общеславянскую лексику, отметим факты полесско-карпатских лексико-семантических изоглосс, которые пока не зафиксированы в других говорах украинского языка (за исключением диалектов, занимающих промежуточное положение). Материалы почерпнуты из статьи: Й.О.Дзендзелівський. Ткацька лексика українських говорів Закарпатської області УРСР, - Studia Slavica Hung. VIII, 1967. Факты полесских говоров взяты из картотеки "Лексичного атласу Правобережного Полісся", над которым автор работает.

Закарп. йазы́к, полесск. йѣзѣ́к, йазы́к 'подвижная ударная деталь трепалки, терницы', болг. диал. йезык 'то же';

закарп. скру́тиц', скру́чок, полесск. (и южноволыньск.) скру́тка, сукру́тка, сукру́тка, сукру́ток, сукру́тен', сукру́тні́, сукру́т'ѣн', сукаври́ц'і, сукровати́ц'а, сукрувати́ц'а, сукро́тиц', сукре́ниц'а, сукрувати́ч (параллельно с перемóт, перемóта, зашморг, перекру́тка, перекру́ток, сукан', моршки, сморшки, сморжки, одноце́п'іца, ву́зел, скарáкана н'і́тка) 'скрутившееся место нити (веревки)'; судя по разнообразию словообразовательных моделей, — параллельные образования, ср. блр. лит. сукаратка;

закарп. на́би лки, на́былки, на́би́лки^і, на́бывки, на́біл'а, на́белниц'і, бойковск. на́би́ук'и, волыньск. на́билк'і, западнополесск. на́білки, гуцульск. на́бі́кві, полесск. на́бі́лк'і, на́билки 'подвижная рама ткацкого стана, в которой закрепляется бердо'; блр. на́бі́лки, на́белкі, русск. на́белки 'то же';

закарп. кобы́лка, кобы́лка, кобы́лка, куббу́ка, юго-зап. кобы́лка, блр. кабы́лка, русск. кобы́лка, польск. kobýłka, полесск. кобы́лка, кб́ілка, ксбу́лка, кабу́лка 'петля нита' (параллельно с ні́тєлнїца, нїчєл'ниц'а, нїчал'ниц'а, н'і́чал'н'їца, нїчанїц'а, н'і́чан'їца);

закарп. кача́ла, коча́ла, кóч'іл'ц'а и др., блр. кацѣ́лки, полесск. кочу́лк'і, кот'блк'і, кацáлк'і, качáлка 'блочки или шесток в ткацком стане, по которым движутся подвесные шнуры нита';

юго-западн. флудец', флудик 'деревянная ось в виде тонкого прутика, на которой вращается цевка', полесск. хлудец', хлудец, хлуд'ѣц, клуд'ѣц, клудѣц, клудчик, кл'учик (из клудчик), хл'учик (из хлудчик), клубец, круде́ц', хлуті́к, лутец (из клудец), хлудч'ік (параллельно с прутік, прутóк, м'ѣчик, п-а́личка, шпѣ́ник, сватóк, схватóчок) 'то же значение' и (гораздо реже) 'запорный пруток в канавке навоя';

закарп. дити́л'ник 'прутик, заходящий в канавку навоя и запирающий концы основы', полесск. д'ѣ́тко, д'ѣ́т'ѣткб, дит'áтко, д'ит'áтко, д'ит'á 'то же значение' (параллельно с названиями дубчик, прутік, прутóк, батожóк, бити́жок, к'і́й, дручóк, пудпράж'н'ік, пот'áг'іч, закл'у́ка, пáлочка, хлуд'ѣц, клудчик, су́ка и др.);

закарп. припусkáч (и др. однокоренные образования), полесск. припусkáч 'деталь в виде крепкой палки, один конец которой вставляется в головку заднего навоя и служит для отпускания основы';

закарп. не^идóс'і́к, полесск. н'ѣдóс'ѣк, недос'ѣк, н'ѣдос'ѣка, н'ѣдос'ѣк'і и др., южноволыньск. не^идос'і́к, не^идос'і́ка 'недостаток в полотне, когда слабо прибавляется уточная нить' (в Полесье параллельно с терминами сит', недосі́т', с'і́то, брак, недобóй, жáба, близнá, недóтик, брижіц'а, брижнѣ́ полотнó и др.);

закарп. óднóц'і́пок, йеннóц'і́пы, полесск. одноце́п'іца, одноце́пка 'недостаток в полотне, когда при навивании основы протягивается несколько нитей в одну петлю нита';

закарп. прóс'і́ст', полесск. прóс'ес'т' 'часть полотна, которая ткется между отпусканиями основы';

закарп. дорóга, полесск. дарóга, дор-óга, дóрога (параллельно с бл'і́знá, близнá, блезнá, шу́ха, мен'ухá, с'л'ѣд, брак и др.), южноволыньск. дурóга, дур'і́жка 'недостаток в полотне, когда разорвана нить основы и образуется шель' и другие изогlossы.

Как показывает сравнение карпатской и полесской терминологии ткачества, многие лексемы совпадают, а многие представляют собой параллельные образования, развившиеся в Карпатах и на Полесье самостоятельно. Но, несмотря на это, и общие изогlossы, и параллели свидетельствуют о том славянском и восточнославянском периоде, когда, с одной стороны, специальные термины были общими и, с другой, — общеупотребительные слова получили специальные функции в назывании частей ткацкого снаряжения и процессов ткачества и стали основой для многочисленных общих и параллельных образований в говорах восточнославянских языков.

М. М. Онышкевич

НАЗВАНИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЖИЛОЙ ПОСТРОЙКИ В ГОВОРАХ КАРПАТСКОГО АРЕАЛА В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ СЛАВЯНСКИМИ ЯЗЫКАМИ

На основании диалектологического материала и данных этнографии делается попытка установить иерархию семантических отношений между названиями крестьянских построек в системах отдельных украинских говоров карпатского ареала. В названных говорах широко распространены лексемы: хата, халупа, хижа. Параллельно с ними употребляются названия с положительным значением: дом, будинок, будбул'а, камениц'а, мурованиц'а. В это микрополе входят также слова, которые только частично имеют отношение к жилым постройкам: колі́ба, куча, кор'їн (курин'). Встречаются и названия с экспрессивной окраской (с положительным значением): хороми, світлиц'а, каштїл'; (с отрицательным значением): бухн'а, бурдеї (бурден', бурдел', бурдії, бурд'аї), халабуда, буждигаря'а, порохн'а, завалїско, руздера, коўчег, лип'анка, кур'н'енка, кутник, которые характеризуются как насмешливо-уничижительные.

Хата — украинско-белорусско-польско-южнорусская изолекса. В своем основном значении она выступает на компактной центральнославянской территории. На крайнем западе и востоке семантика ее резко суживается; халупа — посанско-общепольская изолекса и хижа — карпато-западнославянско-южнославянская изолекса. Семантика двух последних лексем суживается в направлении с запада на восток, например: хижа на крайнем северозападе и западе славянской территории имеет значение 'дом (вообще)'; в говорах карпатского ареала только 'крестьянская постройка', а в Полесье — 'маленькая, ветхая избушка' или употребляется для обозначения других видов сельскохозяйственных построек.

Отличия в значении лексем для названия крестьянской жилой постройки могут быть связаны с общей оценкой реалии по качеству или величине. Они могут отражать разные типы построек. Для выражения свойств качества (+, 0, -) разными по этимологии лексемами немалую роль играет строительный материал и техника строительства. В тех мес-

тах, где жилые постройки возводят из дерева, лексема дiм выражает положительное качество, хата, халу́па, хижа – нейтральное куча, колиба отрицательное, а в тех местах, где для построек используют камень или кирпич, хата выражает положительное или нейтральное и отрицательное качества, третье качество выражается описательно, например: гарний, великий, кам'аний, поганий, мален'кий, старий или от лексемы, обозначающей нейтральное качество, образуется эмоционально окрашенный деепричастие: хат-ка, хат-(ин)-оч-ка, халуп-ка, куч-(ин)-ка. Что касается этнографических отличий, то здесь основное значение имеет тот факт, находится ли помещение для скота или другие сельскохозяйственные постройки под общей крышей с помещением для людей (целостность всей постройки) или отдельно, например, лемк. хьжа обозначает целостность всей постройки: 'помещение для людей, помещение, где молоко-тят (збоiско) и помещение для скота (стаiн'а)'.

На основании диалектного материала можно выделить несколько типов различий между лексемами: 1) одна и та же лексема определяет и весь строительный комплекс, и его часть (жилище для людей): [хижа: хижа]; 2) одна и та же лексема определяет и всю жилую постройку, и ее часть: [хата: хата], [халу́па: халу́па]; 3) одна лексема определяет всю жилую постройку, другая – только часть жилого помещения: [дiм: хата], [дiм: халу́па], [будинок: хата]; 4) одна лексема определяет всю жилую постройку, другие – части жилого помещения: [дiм: хата: ван'к'п], [будинок: халу́па: халу́пка (кухи'а)], [дiм: хата: комора]; 5) одна лексема определяет всю постройку, другие – части постройки: [хижа: хижа: боiско: стаiн'а], [хата: хата: стаiн'а], [халу́па: халу́па: стаiн'а].

В. И. Орос

К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ЮГО-ЗАПАДНЫХ УКРАИНСКИХ ГОВОРАХ (по материалам говора с. Стеблевка)

Многовековая политическая изоляция Закарпатья от других восточно-славянских земель способствовала сохранению в этих говорах немало количества традиционных древнерусских элементов, особенно в лексике. Это прежде всего слова, обозначающие названия предметов, действий, признаков, связанных с бытом людей, их внешними физическими особенностями, с сельским хозяйством и др.

К этим лексическим элементам относятся: береме́но 'небольшой груз в мешке для пешехода', бир 'бревно через речку для перехода', божи́тис'а 'присягать', брыч 'бритва', ва́да 'спор', ва́дитис'а 'спорить', ва́ла 'лужа', ва́роватис'а 'беречься', ве́речи 'бросить', ви́рник 'верующий', глипа́ти 'посматривать', гни́тити 'зажигать', гран 'жар', грэ́зен 'виноград', горни́ц 'кастрюля', 'горшок', го́рс'ц 'горсть конопля', дивья́д-дис'а́т 'девьясто', живо́т 'жизнь', жуковина 'перстень', 'кольцо', игли-

ц'а 'большая игла', играти 'танцевать', кавка 'галка' кад 'большая кадка', квас 'закваска', квичати 'пищать', клéпало 'доска, в которую ударяют для созыва на молитву перед пасхой', кл'ит 'кладовая', ковач 'кузнец', колбидц'а 'висячий замок', колóкул 'колокольчик из жести', кутиц' 'сарайчик для животных', красный 'красивый', кúпа 'небольшая деревянная кадка', куча 'хижина', корчага 'глиняный сосуд для питьевой воды', кый 'какой', кытка 'связка листьев из кочанов кукурузы', мас'ц 'жир', лилик 'бабочка', нагло 'быстро', напас'ц 'беда', 'несчастье', ни-кати 'смотреть', нагавиц'и 'брюки', 'кальсоны', облоок 'окно', оброк 'лучший корм', одиниц 'одинокий', обзиратис'а 'оглядываться', браниц'а 'пахотная земля', орац 'пахарь', удречис'а 'отказаться', пазд'ире 'отходы из конопли', пастыр 'пастух', пáтока 'лучшее кушанье', пирити 'кричать', плат 'фартук', плáха 'толстая доска', пúжало 'пугало', напудити 'напугать', пот'а 'птица', попер 'черный перец', перст 'палец', пумис'ц'а 'участок под постройку', пс'а 'шенок', пысок 'рот', рыбар 'рыбак', сви-та 'женская одежда', с'кати 'искать', скарíдовати 'испытывать отвращение', сокач 'повар', стрый 'брат отца' сус'ик 'закром', свада 'ссора', свадитис'а 'ссориться', селитва 'солома из-под старой кровли', слас'ц 'аппетит', селемено 'балка-матица в потолке', твар 'лицо', тор(г) 'ярмарка', туча 'грозовая туча', толочити 'топтать', темниц'а 'тюрьма', темнишник 'тюремщик', хыравити 'хворать', часуник 'часы', чéрес 'широкий пояс', циркуник 'звонарь', чокан 'кирка', чил'ад 'люди', чимир 'ядовитое растение', чэсало 'гребень-щетка', чулка 'девичья коса', 'чуб', шир'инка 'женский платок', йáловиц'а 'нетель' и др.

Помимо изоляции юго-западных говоров от центральноукраинских говоров, действовали и другие причины, благодаря которым сохранялись указанные лексемы, например, наличие многих из них в других славянских языках, в частности, в западных.

А. М. Рот

СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ КАРПАТСКОГО АРЕАЛА И ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОГО СРОДСТВА

Изыскания в области карпатского языкознания последних лет помогли лучше раскрыть "механизм" образования и характер функционирования карпатизмов, установить пучки их причудливых изоглосс, и тем самым они способствовали "критике чистого опыта" (В.А.Виноградов) сравнительно-исторического изучения языков и диалектов карпатского ареала. Однако в большинстве случаев эти карпатизмы представлены лишь как алгебраическая констатация языковых соответствий. Но за этими соответствиями могут стоять: а) результаты лингвистической интерференции языкового субстрата (С.Б.Бернштейн); б) результаты лингвистической интерференции многосторонних языковых контактов; в) языковые явле-

ния структурно-типологического характера. Структурно-типологические особенности языков и диалектов карпатского ареала изучены пока еще слабо.

В докладе предпринята попытка на основе анализа значительного конкретного языкового материала раскрыть степень структурно-типологического сходства болгарского, венгерского, немецкого, польского, румынского, словацкого, украинского языков и диалектов карпатского ареала, индуцировать карпатские ареальные лингвистические универсалии, изучить некоторые проблемы языкового сродства. На основе этого представится возможность более уверенно решать проблемы происхождения карпатизмов, убедительнее ответить на сложные вопросы о существовании карпатского типа языкового союза.

Структурно-типологический анализ языков и диалектов, функционирующих в карпатском ареале (применение перекрещивающихся координат) помог нам раскрыть сущность их типологических номенклатур, дать их многостороннюю типологическую характеристику. Установление понятийных категорий и изучение способов их манифестации в исследуемых языках и диалектах помогли раскрыть особенности карпатского изоморфизма в широком смысле слова, включающий изофонетизм (изофонологизм), изосемантизм, изограмматизм и собственно изоморфизм. Классификация простых и сложных типологических единиц, представляющих структурно-типологическое сходство языков и диалектов карпатского ареала, "расчистила" путь к определению карпатизмов, являющихся панхроническими языковыми образованиями или языковыми следами действительности идентичного мирозерцания, карпатской ментальности, выросшей из многовекового сожительства этнических групп-носителей этих языков и диалектов, их общих экономических, исторических, этнографических, культурных, географических факторов. Наши изыскания показали, что структурно-типологическое сходство исследуемых языков и диалектов варьирует от 78 до 42%, а на 34-56% их структурно-типологические характеристики отличаются от структурно-типологических особенностей соответствующих генеалогически родственных языков-основ. Весьма полезными генерализациями структурно-типологического анализа языков являются лингвистические универсалии. Однако значительная часть т.н. абсолютных лингвистических универсалий выведена дедуктивно. Они часто тривиальны. Путь к выведению "весомых" абсолютных универсалий должен вести через индуцирование ареальных лингвистических универсалий.

Мы попытались из структурно-типологических характеристик языков и диалектов карпатского ареала "изнутри" извлечь ареальные лингвистические универсалии всех языковых уровней. Это дало нам возможность при помощи методов математической логики моделировать язык-эталон карпатского ареала, являющийся инвариантом исследуемых языков и диалектов.

Развивая идеи Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона о языковом сродстве, мы пытались установить какое типологическое образование оно включает. Наши изыскания показали, что мы можем говорить о сродстве языков и диалектов карпатского ареала. Таким образом, мы имеем новые аргументы в пользу существования карпатского типа языкового союза,

который, в связи с тем, что изоглоссы многих карпатизмов, особенно тех, которые являются результатами лингвистической интерференции языкового субстрата, входят в макроизоглоссу балканизмов (Г.П.Клепикова), мог быть лишь северной, но автономной периферией балканского языкового союза (С.Б.Бернштейн).

Ю.И. Смирнов

ЗАПАДНОУКРАИНСКИЕ МИФИЧЕСКИЕ ЖЕНСКИЕ СУЩЕСТВА

Здесь мы обращаем внимание исследователей на западноукраинские верования в сверхъестественных женских существ (мавки, нявки, богини, литавицы, витреницы, перелестницы и др.) и связанный с ними фольклор.

В первой половине XIX в. И.Вагилевич слышал о бытовании песен о мавках, но ему не удалось их записать. Рассказы же западных украинцев об этих существах или былички по своим сюжетам нередко перекликаются с южнославянскими мифическими песнями, а также верованиями и рассказами: о вилах (самовилах), самодивах, юдах, змеихах. Сходные рассказы, правда, реже встречаются и у поляков, особенно в польских районах, прилегающих к Карпатам.

Как и самовилы, мавки имеют в горах свои "игровища" (игрища), где танцуют, выбивая в траве круг, и озера чистойшей воды, где любят купаться. Они также хорошо знают растения и весной салят травы и цветы по горам и долам. Мавки принуждают молодежь плясать с ними или играть им на скрипке. Они заманивают к себе людей, а после встречи с ними, особенно в местах их обитания, люди обычно умирают. Мавку можно поймать, даже прижить от нее ребенка, но она, как самовила, женой не будет и исчезнет. Оберегом от них служат те же растения, что и у южных славян.

Западноукраинские верования в сверхъестественных женских существ более стертые, нежели южнославянские. В рассказах о них наблюдаются частые случаи путаницы и различные накладки, обусловленные приписыванием мавкам атрибутов других мифологических существ. Это нужно объяснить как процесс отмирания верований.

Большое число терминов, которыми называются мифическое женское существо в различных районах Западной Украины, по-видимому, свидетельствует о забвении единого общего термина. Таким термином, возможно, было название "вила", не являющееся исключительной монополией южных славян. Он был известен кашубам и встречался в русской письменности до XV в.

Нам представляется целесообразным поиск материала о мавках на Западной Украине по программе, в основу которой должен быть положен южнославянский материал. Стихийный сбор такого материала по существу был прекращен едва ли не полвека назад.

КАРПАТСКИЙ ФОЛЬКЛОРНЫЙ АРЕАЛ И СЛАВЯНСКАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ ОБЩНОСТЬ

Фольклористика значительно отстает от лингвистики в изучении общеславянских процессов в различных районах расселения славян. До сих пор еще не проводилось серьезной, как теоретической, так и полевой работы в карпатском ареале, основу программы которой составлял бы целенаправленный поиск в нем южнославянских и севернорусских фольклорных параллелей. Из современных исследователей П. В. Линтур, как известно, ограничивался изучением украинской баллады и преимущественно ее западнославянскими параллелями. В полевой работе он искал собственно украинский материал, а в его изучении пытался довольствоваться спорными средствами определить зависимость инославянского материала от западноукраинского. Музыковед В. Л. Гошовский ближе и реалистичнее подошел к материалу карпатского ареала. Однако значение его исследований весьма снижено из-за быстрого усвоения южнославянского и севернорусского материала. (В. Л. Гошовский. У истоков народной музыки славян. Очерки по музыкальному славяноведению. М., 1971.)

Автор этих строк в 1965 г. в составе лингвистической экспедиции Института славяноведения АН СССР предпринял опыт опроса жителей Буковины по южнославянским и севернорусским сюжетам. Опыт принес определенные плоды. У нас осталось впечатление, что даже теперь на Западной Украине сохранились возможности для ведения полевой работы в указанном плане. Помимо полевой работы, очень важны также поиски соответствующих фактов в опубликованных источниках, ибо систематизация славянского фольклора — одно из самых слабых мест фольклористики.

Нами был предпринят поиск сходжений между славянскими песнями. В результате удалось составить список сходжений из 93 групп песен. Болгары, включая нынешних македонцев, дают при этом сходжения по всем песенным группам. Русские (нередко за счет материала, собранного на Севере) дают сходжения в 88 случаях.

Между болгарскими и русским полюсами концентрации сходных песен (в Южной зоне это прежде всего Западная Болгария и Вардарская Македония; в русской зоне это — территория в пределах современной Карелии, Архангельской области и ряда районов, прилегающих к ним с юга) на себя обращают внимание Украина и Словакия. Украинцы дают сходжения по 54 песенным группам, причем западные украинцы — по 48 группам. Словаки дают сходжения по 44 группам песен. Взятый для контроля польский материал дал сходжения лишь по 30 песенным группам. Контрольный восточнороманский эпический материал показал зависимость от южнославянского и украинского. Любопытно, что словаки и украинцы располагают далеко не всегда тождественными или очень близкими песнями в одинаковых группах. При этом западные украинцы знают 13 групп песен, которых не знают словаки. А словаки знают 5 групп песен, которых не знают на Украине. Это означает, что эволюция пе-

сен у обоих соседних народов протекала в большой степени независимо друг от друга.

Словацкие и украинские песни дают различные переключки с южнославянским и русским материалом. Они удачно ложатся в общеславянские эволюционные ряды и благодаря этому могут быть реально истолкованы. Их генетическое родство с другими славянскими песнями представляется довольно вероятным.

Песенные сюжеты можно рассматривать как постоянно меняющиеся стереотипы народного сознания. Такие стереотипы, конечно, следует учитывать и в народной прозе, в особенности если знать, что отмирание песен происходит и путем их перехода в прозу. Поэтому, помимо песенных сходжений, необходим учет и прозаических параллелей и прежде всего тех из них, которые переключаются с песнями других славянских народов.

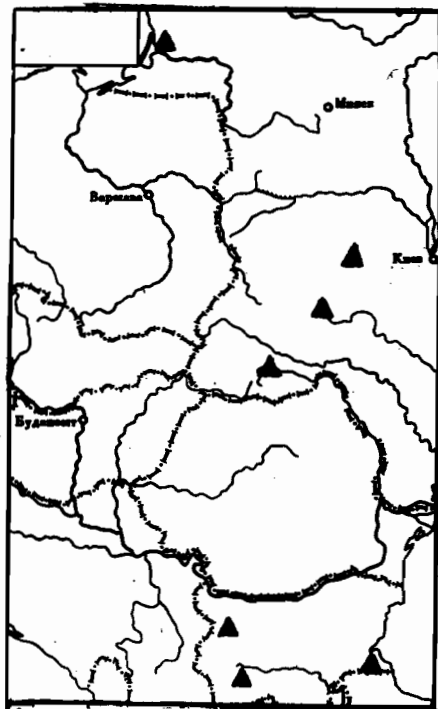
Н. И. Толстой

ОБ ОДНОЙ КАРПАТСКО-ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ ИЗОПРАГМЕ

Весьма любопытную и, безусловно, достаточно архаическую карпатско-(западноукраинско-)—южнославянскую (болгарскую) изопрагму образуют определенные типы надгробных памятников, имеющие вид профилированных досок относительно небольшой толщины (до 6 см) и высоты (от 50 см до 1 метра, иногда более). В приложенных таблицах даются зарисовки некоторых из них, наиболее характерных — недостаток места лишает нас возможности представить их в необходимой полноте и всем разнообразии отдельных моделей и их вариантов.

Описываемые надгробия распространены в Болгарии — Странджа, точнее южная ее часть, примыкающая к турецкой границе (5 населенных пунктов — сокращ. Б.С.), восточные склоны Рилы (2 самоковских н. п. сокращ. Б.Р.), долина реки Нишавы (1 н. п. 11 км западнее гор. Годеч — сокращ. Б.Г.), а также в Карпатах на Коломыйщине в районе покутско-гуцульского пограничья (14 н. п. — сокращ. У.К.) и у карпатских предгорий и севернее на Подольщине вплоть до Полесья (в отдельных пунктах бывш. Гайсинского, Браславского, Ямпольского и Проскуровского поватов — сокращ. У.П.).

Отмеченную изопрагму можно продолжить до литовского балтийского побережья, до небольшого западно-жемайтского островка (несколько пунктов в районе Клайпеды — сокращ. Л.Ж.), если считать формы литовских надгробных досок сходными с карпатскими и южнославянскими. На наш взгляд, такое сходство (обусловленное, вероятно, генетически) имеется и оно вызвано общностью мифологических и религиозных дохристианских представлений о душе и загробной жизни. В связи с этим надо признать правильным мнение И. Басанавичуса о происхождении западно-жемайтских надгробий (крикштай) от антропоморфных изобра-

Карта № 1. Распространение архаических деревянных надгробий.

жений и ошибочным суждение П. И. Кушнера (Кнышева) о том, что они имитируют распяленные шкуры животных.

На исконную антропоморфность форм указывают некоторые простейшие болгарские и карпатские типы (рис. 1-10), а также зависимость деталей надгробия от возраста и пола покойника. В Страндже число и форма нарезных полосок на доске зависит от пола, форма и величина доски – от возраста (взрослый; ребенок), материал же, как правило, один – дуб. В районе Клайпеды надгробия из дуба, березы и ясеня (*ajplas, bērzas, ūosis*) делались для мужчин, а из ели, осины и липы (*ēglē, ērušē, līera*) для женщин. Любопытна карпатская (коломыйская) терминология частей надгробий ("крестов"): голова, рамя, стопа, пень, корень, перехрестя. При этом не следует забывать древнеславянского языческого представления, что душа после смерти находит себе пристанище в дереве или камне. Со временем антропоморфный тип надгробия менялся, усложнялся и с одной стороны сохранялся, а с другой превращался в иные типы, которые в конце концов приспособились к форме христианского латинского (или православного) креста. Почти все типы – первоначальный простой, несколько осложненные и крестообразный можно обнаружить (или недавно обнаруживались) на кладбищах Странджи, Восточной Рилы, Коломыйщины и района Клайпеды (крестообразные типы в таблице не представлены). Несомненно в прошлом рассматриваемые типы надгробий были распространены у славян и балтийцев шире, но не повсеместно, т. к. известны и другие архаические

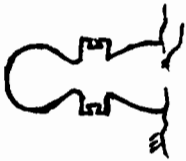
типы и "культуры" надгробий, в первую очередь различные каменные надгробия (стелы, саркофаги – Босния, Сербия, Болгария) и деревянные (нарубы, лежаки, прихоромы – Полесье, доминины – Россия и др.). Интересующие нас деревянные надгробия зафиксированы в местностях, где много камня, но они обязательно деревянные, что связано, надо полагать, с культом деревьев (древо жизни и т. п.). Для выяснения их распространения в прошлом очень ценны свидетельства подобного рода: в 1743 г. сербский епископ Павел Ненадович велел своей пастве ставить кресты на могилах, а не следовать обычаю и "простая дерева съ пресилицомъ (прялкой)воздрукати" (Дробнякович). Очевидно того же рода были и протесты против народных "крикштаев" литовских епископов М. Юнге (1426 г.) и А. Тышкявичуса (1752 г.).

Пояснение к рисункам: На болгарском и западноукраинском материале (хотя он и оказывается почти синхронным) можно наблюдать довольно четко переход от человекоподобного типа надгробий (рис. 1–10) к надгробиям "прялочного" типа (рис. 16–20), через стадию "геометрического" типа (рис. 3, 6, 8–10), для которого характерны квадратная, треугольная или трапецевидная (а не круглая) форма "головы", утолщение "плеч", иногда с наличием вырезов в них, или с расширением их концов по типу треугольника (рис. 21, 26, и 11–14; рис. 12 – с расширением в виде треугольника и вырезами одновременно). Для карпатско-колумбийского микроареала очень характерно увеличение числа "плеч", простых или модифицированных (рис. 5, 7, 13, 14,). Эта же тенденция видна и в других более сложных, видимо, контаминированных примерах (рис. 22, 28). Отдельные литовские экземпляры в ряде случаев ближе к болгарским, чем к западноукраинским (напр. 21, и 24, также 26 и 29), что становится понятным, если допустить для них древний прототип и учесть их современное распространение в окраинных архаичных зонах. Особенно интересны и редки случаи верхнего расщепления "головы" (рис. 26 и 29). Безусловно релевантна также "шапочка" (по болг. качулка), отмеченная в Страндже, на Коломыйшине и Подольшине (рис. 6, 21, 28), иногда несколько расширенная, как в Годечско (рис. 12), иногда уже гипперированная (рис. 22, возможно и 14) и тем самым утратившая свой "смысл". Не исключено, что у литовцев она видоизменилась в обычный крест (иногда в вырезами в "плечах", рис. 25) или в крест, имеющий растительную форму (рис. 24). Фигура сердца явно относительно недавнего католического происхождения (рис. 30).

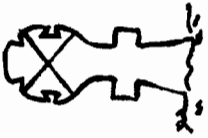
Изменения (вероятно характера более позднего, чем основные рассмотренные) в дендроморфный тип (Коломыйшина) и зооморфный тип (Литва) в докладе не рассматриваются. Некоторые из описанных западноукраинских надгробий раскрашивались, но сведения об этом довольно скудны.

Материал собран на основании собственных наблюдений в Страндже и работ А. Росилиева (болгарский, середина Хв.), Г. Колцуняка и К. Широцкого (украинский, начало ХХ в.), К. Чербуленаса, Ф. Белинскаса, К. Шешельгиса и П. И. Кушнера-Кнышева (литовский, начало и середина ХХ в.).

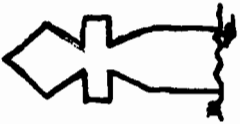
Р. S. Тип надгробий, изображенный на рис. 9 и 10 был распространен также на Волынском Полесье в быв. Новоград-Волынском уезде (с. Андреевичи, 1910 г. Ф. К. Волков).

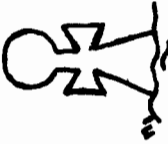
1. Б.С.

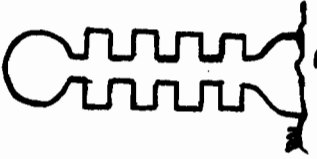
2. Б.С.

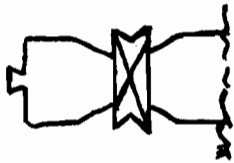
3. У.К.

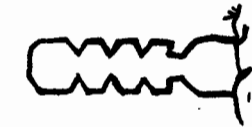
4. У.П.

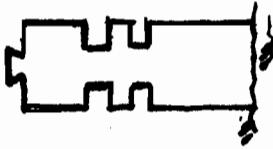
5. У.К.

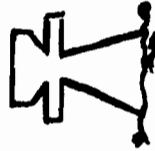
6. Б.С.

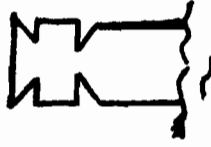
7. У.К.

8. У.П.

9. У.П.

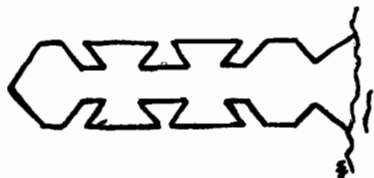
10. У.П.

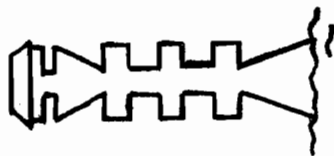
11. Б.С.

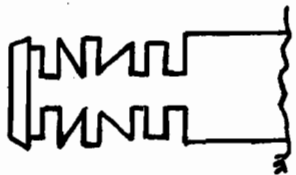
12. Б.Г.

13. У.К.

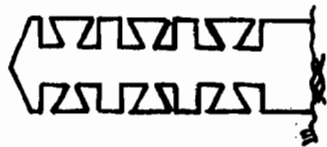
14. У.К.

15. У.П.

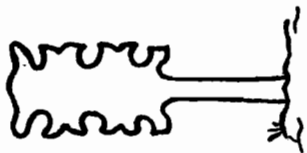
16. Б.Г.

17. У.К.

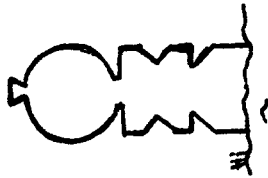
18. У.П.

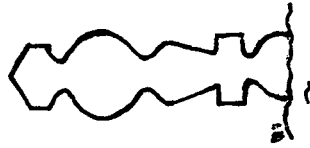
19. Л.Ж.

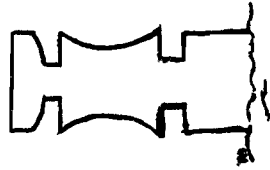
20. Л.Ж.

21. Б.С.

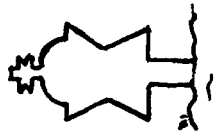
22. У.К.

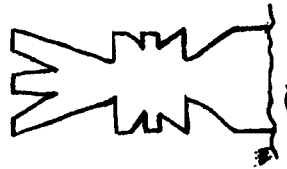
23. У.П.

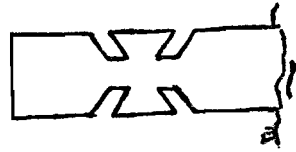
24. Л.Ж.

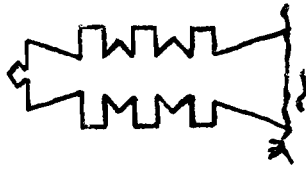
25. Л.Ж.

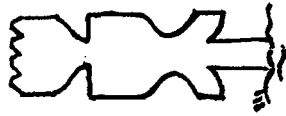
26. Б.Р.

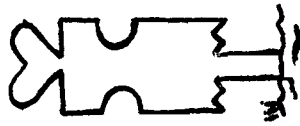
27. У.П.

28. У.К.

29. Л.Ж.

30. Л.Ж.

РАННИЕ СЛАВЯНСКИЕ ЭТНОНИМЫ. 1. СЛАВЯНЕ И КАРПАТЫ

Достаточно взглянуть на современную этническую карту Центральной и Восточной Европы, чтобы убедиться в том, что посредине земель, населенных славянскими народами, расположены Карпатские горы. Их исключительное положение трудно отрицать. Если говорить о влиянии земельного рельефа на расселение славян, то роль Карпат не сравнима ни с чем. Любая из известных нам теорий славянской прародины — сознательно или нет — представляет собой схему древнего обитания славян, ориентирующуюся на Карпаты; в настоящее время преобладают гипотезы прародины славян к северу от Карпат (1. между Зап. Бугом и Средним Днепром и 2. по Висле и Одере), хотя в принципе существует и (3) теория прародины к югу от Карпат, по Дунаю, опирающаяся, между прочим, на предания летописей. И если все названные теории непримиримо противопоставлены друг другу, у них все же есть то общее, что их объединяет, — это относительная близость к Карпатам. Нанеся эти гипотетические схемы расселения праславян на карту, мы по-прежнему видим в середине Карпаты. Даже при условии, что Карпатские горы не были в прямом смысле местом обитания праславян, значение их близости к славянской прародине не следует недооценивать. Тем не менее, обычно так и поступают, указывая на отсутствие у древних славян развитой терминологии горного рельефа. Но у славян был главный термин — праслав. *gora, мн. *gory, и Карпаты были для них Горы *par excellence* (уточняющее определение было не очень устойчивым и, по-видимому, поздним: горы великих 'Карпатские горы', Повесть временных лет, горы Угорский в том же значении, Слово о полку Игореве).

Как бы ни была ориентирована относительно Карпат славянская прародина, обитающие в ее пределах славяне имели с раннего времени представление об этих горах, а также об их неславянском населении. Так следует понимать название Бескиды, польск. *Bieszczady*, заимствованное из иллирийского *biz-kit- / *biz-kēt- буковый лес, Буковина¹, о чем мы писали уже в другом месте. Если мы не будем принимать в расчет возможной дальности двусторонних коммуникаций того времени и наличия информации извне, "слухов", которыми наполнилась прародина славян, их миграции отсюда в отдаленные земли останутся для нас непонятными. А между тем это были, наверное, не блуждания вслепую, а целенаправленные передвижения. Они совершались, как нам кажется естественным предположить, по заранее разведанным маршрутам, имели цель, ориентировались относительно отправного пункта, и это оставило следы в языке. Так, племенное название белые хорваты (Βελόχρῳατοί, Константин Багрянородный) следует читать как 'западные хорваты'. Белыми хорватами это племя называлось на верхней Висле, близ Кракова, т.е. на запад от Галиции, Украинского Прикарпатья, где жили хорваты, не носившие такого определения. Таким

образом, лингвистически документируется движение с Востока на Запад этнонима **xŕvati*, который мог быть усвоен где-то в бассейне Днепра из иранского **harvata* – и односторонне продвигался затем вместе с племенем вокруг Карпат через позднейшие польские, чешские земли, вплоть до бассейна Савы и берегов Адриатики. Свое толкование белый как 'западный' мы основываем на достоверных аналогиях обозначения стран света и – опосредствованно – народов с помощью системы цветовых символов, в которой белый значит 'западный', у тюрков и других восточных народов. Вероятным остатком такой географической номинации является Белая Русь, которую надо понимать как 'Западная Русь', отличие здесь лишь в центре ориентации. Следы цветовой символики в обозначении стран света у славян было бы желательно подвергнуть специальному исследованию.

Трансформированную память о приходе из тех же мест, что и хорваты, сохранили эпические предания чехов. Именно так надлежит понимать слова хроники Далимила: *V srbském jazyku jest země;/jiež Charváty jest jmě./V tej zemi bieše lech;/jemuž jmě bieše Cech...* Ссылка здесь на "сербский язык" (т.е. племя, народ) отражает либо модернизацию, либо глущую реминисценцию того прошлого, когда сербы (как и первоначальные хорваты, и чехи) сидели к северо-востоку от Карпат.

Вероятная прародина славян – территория к северо-востоку от Карпат – не только служила отправным пунктом славянских миграций, но и сама принимала в отдельных случаях возвратные волны тех славянских племен, которые после долгих миграций как бы вновь обретали родину (возможно, перед дальнейшими передвижениями в новых направлениях). Такая возможность как-то не принимается в расчет, а между тем нет ничего более естественного, тем более, что отдельные случаи, по нашему мнению, просто нельзя объяснить иначе. Примером может служить племя, носившее имя дулебов (праслав. **dudlěbi*). Письменная история застает дулебов на Волыни, но их название ведет на запад. Праслав. **dudlěbi*, объединяющее волынских дулебов с дудлебами чешских земель, имеет германскую этимологию, но ее истоки надо искать не на Волыни, как думают некоторые исследователи, а в западно-германском. Наши коррективы к известной этимологии заключаются в том, что мы связываем **dudlěbi* не с личными именами собственными вроде *Detlef*, а с топонимами на *-leben* (стар. *-leiba*, *-leba*), которые широко распространены в Саксонии и Тюрингии и заключают в первом компоненте имя владельца или предка. Поскольку обычно вскрываемая внутренняя форма этих топонимов – последние определенного лица', трудно согласиться с попыткой произвести **dudlěbi* от **þeud-laiba-* 'наследие народа'. Возможно, в слав. **dudlěbi* скрывается герм. **daud-laiba-*, так сказать, 'выморочное наследство', что хорошо вяжется с раннеисторическим процессом освоения славянами земель, покинутых германскими племенами на Западе (**dudlěbi* было бы тогда исторически тождественно немецкой фамилии *Totleben*; отражение герм. **dauda-* 'мертвый' в виде слав. *dud-* находим еще в гидрониме *Dudváh*, собственно 'мертвый Ваг', бассейн Вага, притока Дуная). Экспансия славян в Германии была приостановлена, чем вызваны были обратные миграции, которые привели славян-дулебов

снова на Вольнь и дальше, на северо-восток, в потоке русских миграций, о чем недвусмысленно говорят и такие факты как русское диалектное (орл., курск., тул., ряз., калуж., влад., т.е. в основном южновеликорусское) бранное слово дулѣб, дулѣп 'дурак', 'урод' и чешские ассоциации в русской топонимии вятичского Поочья, вскрываемые при ее этимологической стратиграфии, о чем уже писалось в другом месте.

Таким образом, к северу от Карпат и, видимо, не без влияния этого естественного рубежа разворачивались в широтном направлении раннеславянские племенные миграции, складывалась этнонимия славян.

На западе, там, где кончаются Карпатские горы и находятся известные в истории Моравские ворота, открывающие путь на север и на юг, этнические движения приобретали соответственные направления. Мы коснемся здесь только одного эпизода отношений, как будто не освещавшегося специально в литературе.

В числе чешско-моравских племен упоминается одно под названием *Golensici* (анонимный Баварский географ, Xв.), чеш. *Holasici*, обитавшее на крайнем северо-востоке страны, в районе Опавы. Нам неизвестны попытки этимологизации этого этнонима. А между тем он очевидно связан с балтийским племенным названием галиндов, которых знал еще Птолемей под названием *Γαλίγδαί* (лат. *Galindia*, также полонизированные формы XIII в. *Galens, Golenz, Golens*). В литературе уже упоминалось о возможном движении части галиндов на юг вместе с готами.

В чешской диалектологии в последнее время все чаще указывается на важность изучения противостоящих западно-восточных изоглоссных областей. Наиболее древними оказываются лексические изоглоссы (ср. работы Я. Белича). Мы можем существенно дополнить материалы чешских диалектологов, опираясь главным образом на данные В. Махека, совершенно не использованные в этом отношении. Характерно при этом, что восточные (моравские) регионализмы находят часто соответствия только в балтийском (вост.-чеш. *kláznit se* 'бездельничать, болтаться дома (о детях)'; лит. *klaikti* 'помешаться' или *klajóti* 'блуждать'; мор. *za-lomiti* 'назначить, определить': лит. *lėmti* 'решить, определить'; валашск. *măknúť* 'цепенеть, затекать': лит. *nu-smilkti* то же; ганацк., мор.-слвц. *plkati* 'болтать': лит. *plūkas* 'болтун, хвостун'; вост.-мор. *za-skřítati* 'замарать': лит. *skreniù, skretaĩ, skřesti* 'пачкаться'; мор. *sřebit* 'спрясть неровнук нить': лит. *zliėbti* 'вытягивать, сучить нить'; ганацк. *vrbit se* 'двигаться, вертеться': лит. *virbėti* 'кишеть').

Обычно считается, что эти области (Силезия, Северная Чехия и соседние) сохраняют следы иллирийского и кельтского субстратов. К иллирийцам причисляют и птолемеевское племя *Σουδινοί* в Северной Чехии, полагая, что это не те судины, которых Птолемей привел в тесной связи с балтийскими галиндами: *Γαλίγδαί καὶ Σουδινοί*. Не считая этого традиционного мнения окончательно устаревшим, мы, однако, думаем, что обнаружение отражений галиндов (*Golensici, Holasici*) поблизости несколько меняет дело и открывает дополнительные перспективы в изучении древних этнических отношений.

ПОСЛЕДСТВИЯ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ФОНЕТИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ
КАРПАТСКОГО АРЕАЛА ($\phi > с'$, $в > з'$) В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ
ЧАСТИ МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКОВОГО МАССИВА

1. В некоторых говорах карпатского ареала (Закарпатской области УССР, Цара Оашулуй, Марамуреша и северо-восточной части Трансильвании СРР) $\phi > с'$ и $в > з'$ (см. АЛМ 1, 11, карты №№ 266-270, 275-280, АЛР 1, №№ 47, 73, 100, 282, АЛРМ 1 №№ 70, 107, 301, 304, 391, АЛРМ 11, № 158, АЛРР Мар. 1-11, №№ 11, 116, 223, 224, 359, 360, 466, 484, 486, 497, 507, монографические исследования Г. Вейганда, И.-А. Кандри, Т. Папахаджи, Р. Я. Удлера и др.). В маргинальной северо-восточной группе молдавских говоров отмечены как варианты $с' < \phi$ и $з' < в$, так и $с' < ч$, $з' < дж'$ и $з' < ж$ ($< дж'$) (см. АЛМ 1, 11, карты №№ 266-270, 275-280, 349-361, 374, 375, работы М. В. Сергиевского, Р. Ф. Пиотровского, И. П. Черного и др.). Этой особенностью северо-восточные говоры отличаются от всех остальных говоров дакороманского языкового массива.

2. По мнению некоторых ученых (И. Пэтруц, А. П. Евдошенко) $с'$ ($< \phi$) и $з'$ ($< в$) прошли независимую, самостоятельную эволюцию как в карпатском, так и в заднеэстровском ареале, обусловленную, в обоих случаях, украинским влиянием. М. В. Сергиевский видит в появлении $с'$ и $з'$ в северной части левобережья "результат некоторого влияния окружающей польской или украинской языковой среды". Он считает, что носители этих говоров появились на территории Брацлавского воеводства "едва ли ранее конца XVII века или самого начала XVIII".⁹

3. В говорах карпатской зоны развитие ϕ в $с'$ и $в$ в $з'$ — новое явление. Можно предположить, что в XVI в. оно существовало в устной речи, не будучи зафиксировано в документах, или же что оно возникло в следующем столетии.

В говорах Закарпатья, Марамуреша и смежных районов аффрикаты $ч$ и $дж$ произносятся твердо. Возможно, процесс отвердения начался в конце XVII в., но самые ранние фиксации относятся к периоду после 1760 г. примерно до 1800 г. Восточнороманская фонетическая тенденция, благодаря контакту с иноязычной украинской речью в зоне северных Карпат, стала закономерностью. Об этом говорят результаты исследований Ал. Росетти, И. Пэтруца, И. Гещие, Р. Тодорана, Гр. Русу и др.

4. Считаем, что предки нынешних жителей северо-восточной части Молдавии и северо-западной части Одесской области (пп. 63, 81-83, 96, 97, 99, 113, 137 в АЛМ, а также 27 сел, обследованных в дополнительных экспедициях), были родом из тех сел карпатского ареала, для которых характерно произношение $с'$, $з'$; они переселились после перехода $\phi > с'$ и $в > з'$ и до отвердения аффрикаты $ч$ и $дж'$, т. е., вероятно, в конце XVI в. — в течение XVII в. В бывшей Подолии они соприкасаются с молдаванами — выходцами из соседней северной части Бессарабии и Запрутской Молдовы, в речи которых в это время уже наличествуют $ш' < ч$, $ж' < дж'$ и $ж' < ж$ ($< дж'$), наряду с $ш' < \phi$ и $ж' < в$, т. е. лабиаль-

ные ф, в, аффрикатные ч, дж^в и фрикативный ж (<дж^в>) перешли в мягкие фрикативные ш^в и ж^в. Поскольку развитие ф и в соответственно в с^в и з^в прошло через ступени *ш^в и *ж^в (И. Петруц), т. е. ш^в (<ф> > с^в, ж^в (<в>) > з^в, то и ш^в (<ч>) > с^в, ж^в (<дж^в>) > з^в и ж^в <ж (<дж^в>) > з^в. Допустить, что исследуемые нами говоры северо-восточных районов развились из центральных (А. П. Евдошенко), невозможно потому, что при одинаковой окружающей иноязычной среде, АЛМ в одних говорах фиксирует северо-карпатские с^в и з^в, а в других — общемолдавские ш^в, ж^в. В. правильности нашего предположения убеждают и сведения исторического характера (В. Ф. Шишмарев, М. В. Сергиевский, К. Ведкевич, И. Нистор, Ш. Метеш), некоторые сохранившиеся этнографические реалии (В. С. Зеленчук, Л. Д. Доскутова) и многие лексические соответствия (см. карты АЛМ, КДА, АЛР).

Ш. Л. Фодо

К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОЛОГИЗАЦИИ СЛАВЯНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ВЕНГЕРСКИХ ГОВОРАХ ЗАКАРПАТЬЯ

Важным в решении проблемы хронологизации заимствований обычно считается время первой фиксации слова в памятниках письменности. Однако необходимо иметь в виду, что подобная фиксация часто носит случайный характер. Например, диалектные слова могут функционировать на протяжении многих столетий, но не быть зафиксированными в памятниках письменности. Поэтому исследователи диалектов должны искать иные способы установления хронологии заимствований. К исследуемому материалу — славянизмам в венгерских говорах Закарпатья — мы попытались применить данные хронологии исторической фонетики славянских и венгерского языков.

2. Если в славянских заимствованиях из венгерских диалектов отражены те или иные фонетические явления, характерные для славянских языков, то, зная их хронологию, мы можем судить о хронологии указанных заимствований.

1) Одним из наиболее надежных критериев является наличие (или отсутствие) следов древних славянских Ѡ и ѣ. Так, венг. диал. *rogond* 'речной гравий' < слав. **rogъ*, *mont* 'виноградные выжимки, осадок' < слав. **mq-* (ср. с. — хорв. *nut* 'то же') и т. д. заимствованы еще в период деназализации носовых в славянских языках. Сюда же относим: *gogond*, *gengyes*, также слова, известные венгерскому литературному языку: *gomba*, *rend*, *gerenda*, *lanka* и т. п. Исключение составляют: венг. диал. *gembac* укр. *Гемба* < польск. *gęba* и *blendál* < укр. *блендати* < польск. *bladać*, где *ę* и *ą* — вторичны. С другой стороны, более позднее заимствование: *luka* < укр. *лука*, *holubinka* < укр. *голубінка* (ср. венг. *galamb* < **golqъ*).

2) Для словацкого (и чешского), а также украинского языков характерно изменение **g* в *h*, начало которого датируется XII—XIV вв. Очевидно, что заимствованные из этих языков слова с *g* в венгерском должны

были появиться не позднее указанного периода; заимствования с *h* – более новые. Ср., например, венг. *garnada* < слов. *gromada*, но *hasztyna*, *hucul*, *hásnyik*, *hukán* и т. д.

3) Ценную информацию содержит звуковое оформление заимствований и для венгерской исторической фонетики.

1) Венг. *cs(c)* на месте слав. *c* свидетельствует о древности слов: слова с *cs* были заимствованы в тот период, когда в звуковой системе венгерского языка отсутствовало *c* (т. е. до XII в.). Ср.: *cső* < слав. **сѣвъ*, *cséve*, **ceva*, *csip(ke)* < **сѣръ* и т. д. Но: *cipke* < укр. *ціпки*.

2) Иногда на месте слав. *l* находим венг. *j*. Здесь произошли следующие звуковые изменения: слав. *l* > венг. *l* > *ly* > *j*. Но изменение *ly(l) > j* и полное исчезновение *ly* из звуковой системы венгерского языка закончилось к началу XIX в., поэтому слова, отражающие эти изменения, заимствованы до XIX в. Ср.: венг. *rajka* < укр. *палка*, *zojá(s)* < укр. *зола* и т. д.

3) На месте слав. *o*, как правило, находим венг. *o*, лишь в некоторых случаях – *a*. Это – свидетельство, что слова, содержащие *a*, заимствованы в период до перехода др.-венг. *o* в *a*. Например: венг. *palaj* < слав. **polojь*, *patak* < **potokъ*, *macsa* < **моѣи* и т. д.; но ср.: *potok* < укр. *помок* и т. п.

4) Слав. *a* в венгерском соответствует то *a*, то *á*. Это объясняется тем, что в заимствованиях периода, когда в венгерском существовал *á* (=звук краткий нелабиальный), слав. *a* передавалось всегда через венг. *á*, исчезшее позднее из венгерской звуковой системы (конец XIV в.): *á* > *a*. В более поздних заимствованиях славянскому *a* соответствует наиболее близкий звук – долгий, нелабиальный *a* [á] (исключение составляет позиция абсолютного конца слова, где имеем *a* и в новых заимствованиях, однако изменение *á* > *a* произошло уже на венгерской почве). Например: *kalista* < слав., *kalište*, *balamuta* < слов. *balamuta* и т. д., но *nápász* < укр. *напасть*, *dránka* < укр. *бранка*, *lájdaк* < укр. *лайдак* и т. д. Следует отметить, что некоторые слова с *a* являются тем не менее древними заимствованиями, однако долгота *a* соответствует долготе этого звука в славянских языках (например: *pászma* < слав. **rásmo*, *kovász*, ср. с.-хорв. *kvas* и т. д.). Эти случаи должны быть учтены особо.

5) Дифтонги типа *ij*, *ej* к XVI в. монофтонгизировались: *ij*, *ej* > *é*. Поэтому заимствования из славянского с *é* на месте сочетаний *ij*, *ej* должны быть отнесены к периоду до XVI в. Например: венг. *léka* < укр. *лійка* (лейка).

Это далеко не полный перечень тех фонетических изменений в славянских и венгерском языках, которые могут служить критерием при определении времени заимствования тех или иных слов. Естественно, что хронологизация на основе этих критериев будет приблизительной, поскольку фонетические законы действуют, как правило, продолжительное время. Однако применение нескольких критериев, с учетом культурно-исторических данных, в том числе начала фиксации заимствований в памятниках письменности, должно дать вполне надежный результат.

К ВОПРОСУ О ЮЖНОСЛАВЯНИЗМАХ В АНТРОПОНИМИИ ЗАКАРПАТЬЯ

1. Современные фамилии коренного украинского населения Закарпатья в своей основной массе (свыше 80%) являются очевидными украинскими образованиями. Вместе с тем сравнительно высокий процент отдельных словообразовательных типов, например тип с суффиксом **-ич** (6,4% фамилий), с суффиксом **-ович** (2,7% фамилий) при низком проценте аналогичных образований в остальных областях Украины, а также некоторые специфические производящие основы фамилий, их фонетические особенности наталкивают исследователя на мысль о возможном влиянии со стороны соседних славянских языков, прежде всего южнославянских.

2. Этимологический анализ фамилий украинцев Закарпатья (10 000 фамилий) свидетельствует, что среди 8300 славянских образований (свыше 1.000 падает на неславянские, а более 500 – на спорные) имеется больше 100 таких, которые не находят удовлетворительного объяснения на украинском языковом материале, но относительно легко раскрывают свою этимологию на южнославянской языковой почве.

3. Среди трех основных использованных нами принципов этимологизирования самым эффективным оказался фонетический. Неполногласные звуко-сочетания типа **-trat -**, **-tlat -**, **-tr'at -** соответственно восточнославянским **-оро-**, **-оло-**, **-ере-** (ср. Б'ра́на, Влад, Вла́шиц, Бра́жа, Дра́га, Мр'а́на...), взрывное **r'** соответственно укр. **г'** (ср. Бог'дан, Г'лац'ола, Г'родза), **'a > ѣ** (ср. Н'агай), рефлексy редуцированных в сочетании с плавными (ср. Б'лог'ырка, Ч'ерна) довольно конкретно указывают на южнославянский источник таких фамилий.

4. Значительную часть южнославянизмов помогает определить лексико-семантический принцип. В частности, это касается фамилий, образованных от специфических южнославянских апеллятивов (ср. Ба́ник, Ду́нда, Магу́ла), от собственных имен (Б'бжа, Варади́н, Го́д'а, Д'ббра, Ку́шин, Мал'ета, Ра́дич, Ра́йчинец', Сто́йка, Цанко́, Цола́н, Ча́ва, Чубе́рка...) и этнонимов (ср. Го́рват, Рац, Се́рбин...).

5. Словообразовательный критерий малопоказателен при определении южнославянизмов (ср. фамилии на **-ич**, **-ович**, фамилии на **-ац** типа Го́лац, Ма́лац, Кра́шовац...).

6. Большинство южнославянских фамилий появляется на территории Закарпатья в XV–XVII веках в связи с так называемой сербохорватской колонизацией.

7. Часть южнославянских антропонимов принесло с собой на территорию области валашское население.

8. Детальное разграничение южнославянизмов в антропонимии Закарпатья на болгаризмы, сербизмы и т. д. сопряжено со значительными трудностями, но преобладают среди них сербизмы.

9. Фамилии с южнославянскими элементами на территории Закарпатья не имеют компактного ареала. Самыми частыми они являются в юго-

восточных районах области, а также в Воловецком и Великоберезнянском районах. Фамилии с южнославянскими элементами преобладают среди украинцев, но нередко встречаются также среди румын, венгров и цыган.

10. Современная локализация антропонимов с южнославянскими языковыми чертами на территории Закарпатья в значительной степени соответствует историческим сведениям о размещении южнославянских переселенцев в районе Украинских Карпат.

Г. Ф. Шило

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКИХ КАРПАТИЗМАХ

1. Карпатский языковой ареал, образовавшийся в результате длительных контактов разных племен и народностей – славянских и неславянских – на протяжении многих столетий, представляет в лексическом отношении многогранное и сложное явление. Что касается фонетической системы и грамматического строя карпатских диалектов, то они, вне всякого сомнения, принадлежат к одной из ветвей юго-западного украинского наречия. Изучение лексики карпатского ареала наталкивается на определенные трудности: нужно, во-первых, хорошо знать смежные говоры – поднепровские и закарпатские, а также полесские, белорусские и русские, а во-вторых, знать также диалекты западно-славянские и южнославянские. Кроме того, нужно быть знакомым с румынскими и венгерскими диалектами, с которыми карпатские говоры находились в тесных контактах.

2. Самым трудным в изучении лексических карпатизмов является вопрос о времени появления тех или иных карпатизмов. Они чаще всего не отражены в письменных памятниках, у нас пока нет исторического словаря украинского языка и нет этимологического словаря, не изданы уже готовые диалектные словари (Я. Янува, М. И. Оньшкевича, Н. Л. Грицака), пока не вышел в свет диалектологический атлас украинского языка. Все эти факторы затрудняют изучение этой проблемы. Для изучения лексики карпатского ареала большое значение имеет также знакомство с топонимикой, ведь известно, что некоторые слова давно вышли из активного фонда лексики данного говора, а в топонимах они еще существуют.

3. Выход в свет КДА ставит изучение лексики карпатских говоров на прочную научную основу. Эти говоры методом лингвистической географии изучались еще мало. Пожалеть только нужно, что в атласе мало карт по словообразованию, хотя в вопроснике словообразованию было отведено 33 вопроса. Вопросник для КДА в целом подготовлен удачно, жаль, что в него не попали такие слова, как остирва́ 'кол для сушки сена', раваш (роваш) 'палка, на которой делают отметки, сколько овеч взято у хозяина на пастбище, сколько ему причитается молочных' продуктов, грудница́ а 'грудь у коня' (последнее, правда, есть в вопросах по словообразованию), ч'олан 'часть обода в колесе', тарниця́ а

'деревянная часть седла', короткий вид 'близорукий, близорукость', сү-ло 'рукоятка вил' и др.

4. Среди так называемых карпатизмов можно выделить несколько групп. К первой отнесем лексику, характерную для гуцульских или бойковских говоров. Таковы: коливорот, каливорот 'часть воза' (в подне- стровских говорах – вертл'ух, скрут'скрент, насад), ч'олан 'часть обо- да' (в подне стровских говорах – дзвін, дзвони), прилоб (прóдолоб) 'грядиль, часть шуга'; также класти хату вм, литературного будувати хату, сіпати молоко, воду, вм. наливати, г'отур 'глухарь', прожирати 'глотать' и др. Интересна и лексика, имеющая соответствия в южносла- вянских языках. Например: скбрух||шкóрух, скору́ха, серб. оскоруша 'ря- бина', остривá, серб. ostrva, слов. ostrve; польск. ostrzew, груднич'а, серб. грудница 'грудная кость,' чуло 'лоб', серб. чело, коротк'і вид 'близорукий', серб. кратковид (ан), и т. д. В некоторых случаях наблю- даются семантические сдвиги. Так, гуцул. и бойк. в'уголов, в'уголова оз- начает 'кожаную полоску, скрепляющую рукоятку цепа и "било"', ср. серб. оглав, 'удила', чешск. ohlav 'то же.' Отметим и изоглоссу глта́ (КДА № 47) – в подне стровских говорах слово означает 'теснота', 'дав- ка', 'толпа'; 'то же' в болгарском, в сербском; в некоторых гуцульских и бойковских говорах – 'семья', 'челядь'. Представляют интерес и не- которые гуцульско–румынско–южнославянские изоглоссы. Например, гуша 'опухоль на шее', 'зоб' (Гуцулыщина и Буковина – КДА № 110) и серб. гуша 'зоб', 'свинка (болезнь)', болг. гуша 'зоб' ср. рум. gușă; 'приданное' (КДА № 121) в гуцульских и буковинских говорах имеет название дзэстра, зэстра, зэстри, ср. болг. зестра 'то же', рум. zestre. Среди заимствований из венгерских отметим: гуцул. равáш <венг. rovás 'кол для сушки сена'; 'деревянные туфли, башмаки': бойк., надднестр. баганч'ита, чешск. bakáncse <венг. bokáncse, буков., закарп., бокóнч'і. Заимствования из других языков в карпатских говорах появлялись в разное время; что касается схождения карпато–сербско–болгарских, то одни из них возникли в результате контактов в прошлом, другие – результат еще общеславянских импульсов.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
С.С. Арпа. Мелодика венгерской разговорной речи в сравнении с мелодикой украинской и словацкой речи жителей Закарпатской области УССР	4
С.Б. Бернштейн. Вопросы интерференции языков Карпато-Дунайского ареала	5
А.А. Бодник. Народная терминология домашнего сукноделия Западного Прикарпатья и Закарпатья-Бойковщины	8
Ю.В. Бромлей, Н.Н. Грацианская. Этнографические аспекты карпатоведения	9
К.Ф. Герман. Оронимы-карпатизмы в украинских говорах Северной Буковины	10
Л.А. Гиндин. Древняя этнонимика Прикарпатья	11
Н.И. Дзендзелевская. Из истории расселения словаков на территории Закарпатья и некоторые вопросы словацко-украинских взаимовлияний	14
И.А. Дзендзелевский. Из наблюдений над лексикой народной ветеринарии украинских говоров района Карпат	15
А.Д. Дуличенко. Язык бачванско-сремских русинов и его соотношение с языками и диалектами карпатского ареала	16
Ф.Т. Жилко. Формирование карпатских диалектных ареалов украинского языка	18
Т.П. Заворотная. Названия гриба <i>Boletus rufus</i> Schaeff в говорах Украинских Карпат	19
Я.В. Закревская. Взаимообусловленность и взаимодействие словообразовательного и семантического полей в украинских говорах карпатского ареала	20
В.В. Иванов, В.Н. Топоров. Карпаты в связи с проблемами расселения древних индоевропейских племен	22

Г.П. Клепикова. Об изучении лексических заимствований из румынского языка в карпатоукраинских говорах	26
Ф.Д. Климчук. О полесско-карпатском типе рефлексации <u>е, ъ > а</u>	27
Б.В. Кобылянский. Можно ли говорить о своеобразном балкано-карпатском союзе языков?	28
Р.В. Кравчук. Из проблематики лингвистического изучения Карпат	29
П.Н. Лизанец. Лингвогеографический аспект в исследовании лексических заимствований в украинских говорах карпатского ареала	31
И. Лобюк. Лексико-семантические отношения говоров долины р. Молдовицы к северным гуцульским говорам (на основе КДА)	32
В.В. Манивчук. Лексика лесных промыслов Карпат как источник изучения межъязыковых контактов	33
Л.В. Маркова. К вопросу о роли смешанных браков в процессе ассимиляции надменьшинства (болгары Закарпатья)	34
М. Младенов. Распространение некоторых карпатизмов в болгарских говорах	36
И.Е. Можалева. Вопросы интерференции языков и диалектов карпатского ареала в освещении советских ученых	37
Т.В. Назарова. О карпато-полесских фонетических и фонетико-морфологических соответствиях	39
Н.В. Никончук. О некоторых карпато-полесских изоглоссах в терминологии ткачества	42
М.М. Онышкевич. Названия крестьянской жилой постройки в говорах карпатского ареала в сравнении с другими славянскими языками	44
В.И. Орос. К проблеме сохранения древнерусских лексических элементов в юго-западных украинских говорах	45
А.М. Рот. Структурно-типологические особенности языков и диалектов карпатского ареала и проблемы языкового сродства	46
Ю.И. Смирнов. Западноукраинские мифические женские существа	48
Ю.И. Смирнов. Карпатский фольклорный ареал и славянская фольклорная общность	49
Н.И. Толстой. Об одной карпатско-южнославянской изопрагме	50
О.Н. Трубачев. Ранние славянские этнонимы. 1. Славяне и Карпаты	56

Р.Я. Удлер. Последствия трансплантации фонетического явления карпатского ареала (ф > с", в > з") в северо-восточной части молдавского языкового массива	59
Ш.Л. Фодо. К проблеме хронологизации славянских заимствований в венгерских говорах Закарпатья	80
П.П. Чучка. К вопросу о южнославянизмах в антропони мии Закарпатья	82
Г.Ф. Шило. К вопросу о лексических карпатизмах	83

Подписано к печати 22/Ш-1973 г. Объем 4,25 п.л.
А-04088 Тир. 750 экз. Зак. 167 Цена 40 коп.

Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2

